ФУТУРИСТЫ

„Гилея“

Викторъ Хлѣбниковъ, Влад. Маяковскій,
Д. Н. В. Бурлюки, А. Крученыхъ, Б. Лившицъ.

Велеміръ Владиміровичъ
ХЛѢБНИКОВЪ

ТВОРЕНІЯ

ТОМЪ I

1906—1908 г.

СТАТЬИ о творчествѣ Хлѣбникова, Каменскаго и Бурлюка. Рисунки В. и Д. Бурлюковъ.

МОСКВА 1914 г.

B. D

ФУТУРИСТЫ

„ГИЛЕЯ“

Викторъ Хлѣбниковъ, Вл. Маяковскій, Д. Н. В. Бурлюки, А. Крученыхъ, Б. Лившицъ.

Велемiръ Владимiровичъ

ХЛѢБНИКОВЪ.

ТВОРЕНІЯ

1906—1908 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ: статьи Бурлюка и Каменскаго о Хлѣбниковѣ.

ИЗДАНІЕ „ПЕРВАГО ЖУРНАЛА РУССКИХЪ ФУТУРИСТОВЪ“, МОСКВА.

Викторъ Владиміровичъ
ХЛѢБНИКОВЪ.

Выпуская эту книгу твореній **ГЕНІАЛЬНАГО** поэта, необходимо сказать нѣсколько словъ кои служили бы руководящей читателя. Василій Каменскій въ своемъ предисловіи выявляетъ роль Хлѣбникова—какъ словотворца. Хлѣбниковъ не подобенъ поэтамъ, кои пишутъ на „пишущей машинкѣ"; рукописи коихъ заключены въ папки съ золотымъ обрѣзомъ, автору извѣстна каждая строчка. Хлѣбниковъ—не Данченко—кто больше отпечаталъ, чѣмъ написалъ. **Хлѣбниковъ—пишетъ съ 1905 года**. Путь его творчества: „Училища" (1905 г.)—„Звѣринецъ" (1906 г.) 1906 и 1907 годы работа надъ корнемъ слова; „Спряженіе корней"—геніальные „Смѣхачи".

Вотъ онъ истинный отецъ „ФУТУРИЗМА"!

Дѣйствительно Хлѣбниковъ **указалъ новые пути поэтическаго творчества!**

Безусловно! Хлѣбниковымъ созданы вещи подобныхъ которымъ не писалъ до него ни въ русской, ни въ міровыхъ —литературахъ **никто**.

Рукописи Хлѣбникова хаосъ—вороха измятыхъ, исписанныхъ бисеромъ бумагъ. Изъ тетрадокъ его 1905—1908 года мы выбрали все наиболѣе характерное. Мы сочли своимъ долгомъ помѣстить многіе отрывки—въ одну, двѣ строки.

Геній Хлѣбниковъ читалъ свои стихи въ 1906—7—8 году въ Петербургѣ Кузмину, Городецкому, В. Иванову и др.— но никто изъ этихъ литераторовъ не шевельнулъ пальцемъ, чтобы отпечатать хотя бы одну строку—этихъ откровеній слова.

ХЛѢБНИКОВЪ—НАША ЭПОХА. Чтобы ни тявкали Осоргины, Яблоновскіе и др.,— „Закатъ футуризма", „Все это будетъ забыто" и т. д. **Владиміръ Хлѣбниковъ— не будетъ забытъ никогда**. Онъ тотъ истокъ изъ коего и въ грядущемъ возможно зарожденіе новыхъ прекрасныхъ цѣнностей. **Хлѣбниковъ**—хаотиченъ—ибо онъ **геній**; лишь талантъ—ясенъ и строенъ. Хлѣбниковъ разностороненъ; онъ математикъ,

филологъ, орнитологъ, всѣ роды литературныя ему доступны; Хлѣбниковъ тотъ—кто является сердцевиной всякой современной идеи литературной—каждой личности могущей о себѣ заявить не на подломъ языкѣ гадкаго поклоненія предъ „авторитетами" прошлаго или же, что тоже, на низкомъ языкѣ подражанія.

Давидъ Бурлюкъ.

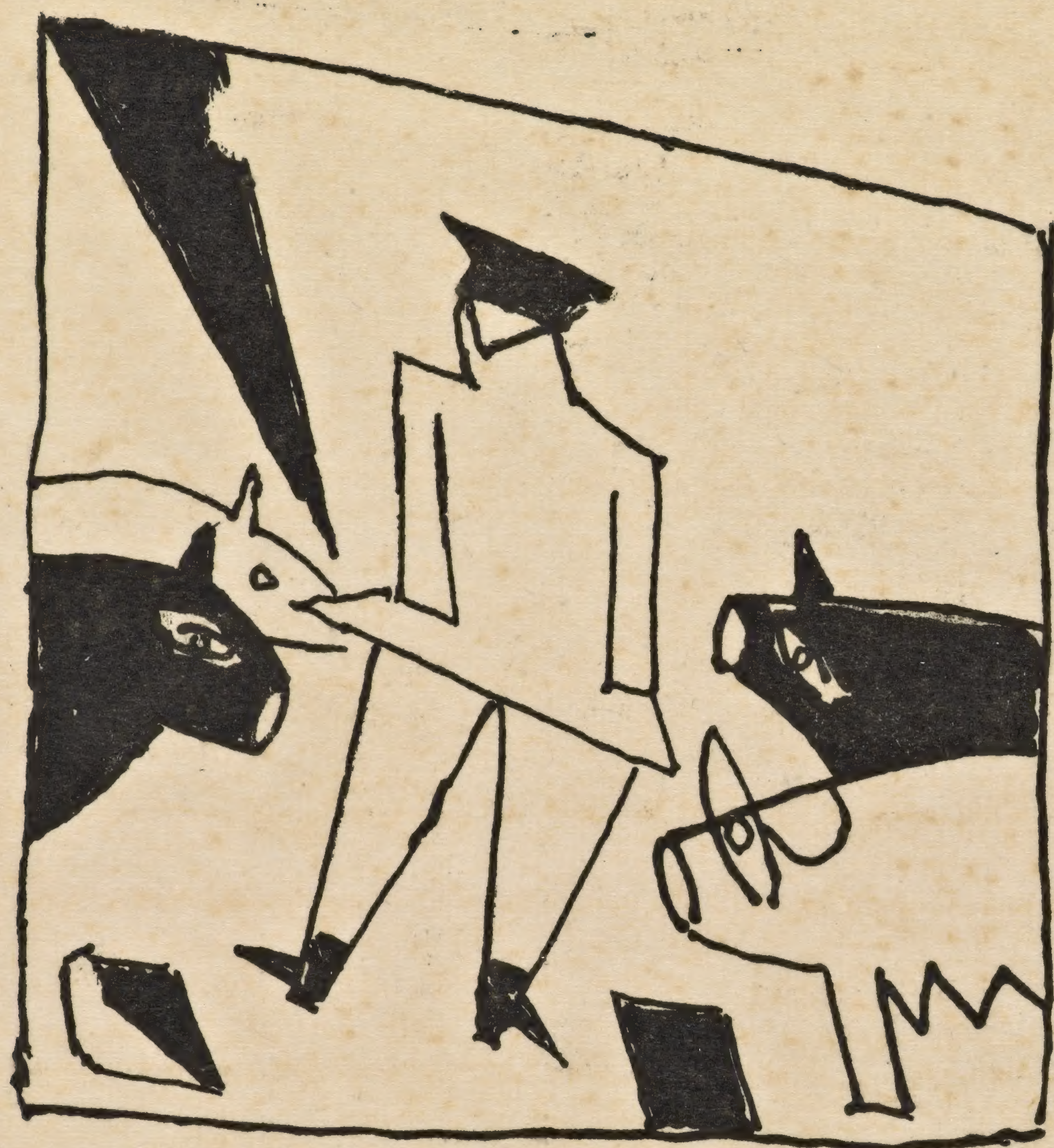
О ХЛѢБНИКОВѢ.

ВАСИЛІЙ КАМЕНСКІЙ.

Славождь.

Журчей съ горы Русской поэзіи. И какъ журчей онъ стремистъ въ своемъ зачарованномъ бѣгѣ и въ каждомъ отдѣльномъ движеніи его побѣда и строгая мудрость завершенія. Каждыя два—три слова его—взятые случайно—поэма, мысль, красота, самоцѣльность. Первый онъ освободилъ слово, какъ таковое, придавъ ему значеніе великое и открывающее образно-законченное; и—главное—національное. Словотворчество Хлѣбникова въ своей расовой самобытности доходитъ до геніальнаго выявленія русскаго языка съ его типическими особенностями въ смыслѣ современнаго пониманія. Какъ сѣятель неологизмовъ, филологически правильно построенныхъ, онъ создаетъ первый въ русской поэзіи особую форму стихотворенія, въ которой такъ ярко и глубоко отра-

зилась современная душа. Хлѣбниковъ—это примѣчательнѣйшая личность, доходящая въ своемъ скромномъ, какомъ-то нездѣшнемъ уединеніи, до легендарной святости, своей геніальной непосредственностью сумѣлъ такъ просто, такъ убѣдительно строго пересоздать всю русскую поэзію во имя современнаго искусства. Хлѣбниковъ походитъ на астраханскаго ушкуйника съ всегда согнутой спиной, на которой гаманей съ самоцвѣтными рѣдкой красы каменьями;—съ всегда затаенной тихой улыбкой татарина, чующаго за Каспіемъ-океаномъ краски персидскихъ ковровъ въ гаремахъ; и съ русской, до глубины глубинъ русской душой баяна изъ великаго Новгорода чьи пѣсни съ озера Грустинъ семицвѣтной радугой перекинулись въ Великую Современность. Геній Хлѣбникова настолько безбреженъ въ своемъ разливѣ словоокеана, что намъ,—стоящимъ у берега его творчества, вполнѣ достаточно и тѣхъ прибойныхъ волнъ, которыя заставляютъ насъ преклониться передъ раскинутымъ величіемъ словопостиженія. Хлѣбниковъ оживилъ Слово, далъ ему движеніе, окрылилъ его могучими крыльями и выпустилъ его на разгульную волю—яркимъ, мудренымъ, ядренымъ.

Сынъ Юноны.

КОНЕЦЪ.

(См. Дохл. Луна)

18.

То къ намъ уже идутъ, то къ намъ
уже идутъ.
Мальчикъ, намъ хорошо тутъ?

19.

Съ дрекольемъ идите всѣ сразу и
вмѣстѣ
Впередъ образа.
Да не дрогнетъ рука.
Такъ хочетъ дѣло мести.

20.

Сюда идите! Здѣсь вонъ они
Между осинокъ въ рощѣ въ тѣни

21.

Она изъ облаковъ спустилась
И, за руку схвативъ, бѣжать пу-
стилась.
Коса по вѣтру развѣвалась,
И ноги пыли пальцами касались.
Онъ жалобно просилъ ее идти по-
тише,
Но она не слушалась,
И скоро въ рощѣ ближней,

Хищно озираясь, скрылась.
Сегодня среда, и хоть грѣхъ убивать,
Да нужно!
Вотъ гдѣ ихъ стоновъ и воплей кровать!
Ну же, друзья мои, сразу и дружно
Дреколькями дружно коли!
А вы: разъ, два пли!

22.

Сына цѣлуетъ бѣдная мать,
Къ плечамъ прижала сѣдымъ.
Но мертвъ онъ. Вотще подымать
Вѣки безсильны, какъ дымъ,

23.

А сквозь ругань, крикъ ура
Высокомѣрна и (красива)
Къ небу вздымалось меньше пера
(Голубооблачное диво.)

Погонщикъ скота

сожранный имъ. Отрывокъ изъ сгорѣвшей.

Въ ласкающемъ воздуха леготѣ
О волосы по плечу бѣгайте
Погонщикъ скота Твердиславъ
Губами стоитъ моложавъ
Дороги желѣзной предъ нимъ полотно
Гдѣ дальняго поѣзда катитъ пятно
Или выстукивай лучше колеса
Чтобъ поѣздъ быстрѣе и яростнѣй несся
Или къ урочному часу спѣши
И поѣзду прапоромъ краснымъ маши
Тамъ за страною зеленой посѣва
Слышишь у иволги разумъ напѣва
Юноша, юноша идемъ и ты
Мнѣ повинуйся и въ рощу бѣги
Собирай для продажи цвѣты
Чугунные ужъ зашатались круги
Нѣтъ подъѣхалъ тяжко поѣздъ
Изъ желѣза темный звѣрь
И совсѣмъ не безпокоясь
Потянулъ погонщикъ дверь
Сорокъ борововъ взвизгнуло
Взоромъ бѣло—красныхъ глазъ
И священнаго разгула
Тѣнь въ ихъ лицахъ пронеслась.
Сорокъ борововъ взвизгнуло
Возглашая: смерть надеждѣ!
Точно вѣтеръ дуя въ дуло
Точно вѣтеръ тихій прежде.

Колеса несутся, колеса стучатъ
Скорѣе, скорѣе, скорѣй!
Сорокъ боровов молчатъ,
Древнимъ разумомъ звѣрей
урчатъ!
И къ задумчивому вою
Примѣшался голосъ страсти
Тѣло пастыря живое
Будетъ порвано на части.

Лѣсная дѣва

Когда рѣчной стремится ужъ
Вдоль зарослей рѣки
По лѣсу виденъ смутный мужъ
Съ лицомъ печали и тоски.
Брови приподнятой печальный уголъ...
И онъ изгибомъ тонкихъ рукъ
Беретъ свирѣли стволъ (широкъ и круголъ)
И издаетъ тоскливый звукъ.
Предтечею утѣхъ дрожитъ цѣвница
Воздушныхъ дѣлъ покорная прислуга.
На зовъ спѣшитъ пѣвца подруга
Золотокудрая дѣвица.
Властъ взоровъ синій колосъ,
Звенитъ ручьемъ волшебный голосъ!
И персей бѣлизна струится до ступеней
Какъ водопадъ прекрасныхъ горъ.
Кругомъ соборъ растеній
Сіяющій соборъ.
Надъ нею неба лучезерная дуга
Уступами стоятъ утесы
Ея блестящая нога
Закутана въ златыя косы.
Волосъ изъ золота вѣнокъ
Внутри блистаетъ чертогъ ногъ
Казалось золотымъ плащемъ
Задернутъ стройный былъ престолъ.
Очей блестящимъ лучомъ
Былъ озаренъ зеленый полъ
И золотою паутиной
Она была одѣта.
Зеленою путиной
Придя на голосъ свѣта.
Молчитъ сіяющій глаголъ.
Такъ красотой своей чаруя
Она пришла (лѣсная дѣва)
Къ волшебнику напѣва,

Къ лѣнивцу тараруя.
И въ сумрака лучахъ
Стоитъ беззлобный землежитель.
И съ полнымъ пламенемъ въ очахъ
Стоитъ лучей обитель.
Не хитрыхъ лепестковъ златой вѣнокъ:
То сжали косы чертогъ ногъ.
Вокругъ глаза синяго обманщика
Горятъ лучи не сѣмя одуванчика?
Достигнута святая цѣль.
Ихъ чувство осязаетъ мель.
Угасъ Ярилы хмѣль.
Она лежа заснувъ съ ласкающею свободой
Была какъ омутъ ночью или водоемъ.
А онъ лѣсникъ чернобородый
Надъ ней сидѣлъ и думалъ. Съ ней вдвоемъ.
Какъ надъ рѣчной долиной дубъ.
Сидѣлъ пѣвецъ чрезъ часъ ужъ трупъ
Храма любви блестятъ чертоги
Какъ ночью блещущій ручей.
Нѣтъ сомнѣній нѣтъ тревоги
Въ бѣгломъ озерѣ ночей.
Безъ словъ и шума и рѣчей.....
Вдругъ крикъ ревнивца
Сонъ разбудилъ лѣнивца.
Топотъ ногъ. Вопль, брани стонъ,
На ноги вспрыгнулъ онъ
Сейчасъ вкругъ спящей начнется сѣча
И вѣтеръ унесетъ далече
Стукъ гнѣвной встрѣчи
И въ ямахъ вся поверхность почвы
О боги нѣги, пойдите прочь вы!
И въ битвѣ вывернутые пни
И страстно борятся они.
Но побѣдилъ пришлецъ красавецъ.
Разбилъ сопернику високъ,
И снялъ съ него, лукавецъ,
Печаль, усмѣшку и вѣнокъ.
Онъ сталъ надъ спящею добычей
И гонитъ мухъ и вѣткой вѣетъ.
И измѣнивъ лица обычай

Усопшаго браду на щеки клеитъ
И въ перси тихимъ поцѣлуемъ
Онъ дѣву разбудилъ, грядущей близостью
волну
Но далека отъ низкаго коварства
Она расточаетъ молодости царство.
Со всѣмъ пыломъ жены бренной,
Страсти изумлена перемѣной.
Коварство съ пляской пробѣгаетъ
Пришельца голодъ утоливъ
Тогда лишь сердце постигаетъ
Что значитъ новой страсти взрывъ.
Она сидитъ и такъ плачетъ
Прижавъ къ губамъ цвѣтокъ.
За что, за что такъ лихо
Ее оскорбилъ могучій рокъ.
И доли стана
Блестѣли слабо въ полусвѣтѣ.
Она стояла скорбно, странно
Какъ блѣдный дождь въ холодномъ лѣтѣ.
Широкихъ косъ закрыта пеленой
Стояла нѣги дщерь
Плечъ слабая стѣной......
Шептали губы: и звѣрь!
Зачѣмъ убилъ пѣвца?
Онъ кротокъ былъ. Любилъ свирѣль.
Иль страсть другого пришлеца
Законная убійству цѣль?
Въ храмовной строгости березъ
Зачѣмъ убилъ любимца грезъ?
Если нѣтъ средствъ примирить,
Я бы могла бы раздѣлить,
Ему дала-бы вечеръ, къ тебѣ ходила по утрамъ,
Теперь же все для скорби храмъ!
И эти звѣзды и эти бѣлые стволы
Ничто! Ничто! теперь мнѣ не милы.

Былъ сердцемъ страстнымъ молодой.
Съ своею черной бородой онъ былъ дитя.
Чего хотя,
Напесъ убійственный ударъ,
Ты тѣломъ юнъ, а сердцемъ старъ?
Съ черно синевой ночью глазъ
И мелкокудрымъ златомъ власъ?
Иль пѣтъ: убей меня
Чтобъ возлѣ, здѣсь была я трупъ,
Чтобы не жила, себя кляня
За прикасанье твоихъ губъ.
И тотъ молчитъ. Стеная
Звонко—уходитъ та
И рветъ со стономъ волосы.

Зажгла на небѣ полосы.
(Темно кровавые цвѣты)
А онъ бѣжитъ? Нѣтъ съ свѣтлою улыбкой.
Сочтя приключеніе ошибкой
Смотритъ сопернику въ лицо,
Снимаетъ хладное кольцо.
И, сѣвъ на камень,
Зажженный въ сердцѣ пламень,
Излилъ въ рыданьяхъ мертвенной свирѣли
И торжествомъ глаза горѣли.

Любавица.

Я любиры затопилъ въ почеснѣжномъ
серебрѣ.
Красотиною купилъ быть въ золъ плѣн-
никѣ добрѣ
Я играя, я иглъ рая та, что вѣнковна
зимъ мной.
Простирая „прости“ грая, я врапъ вратъ
златыхъ весной.
Я ночей стоокихъ зной
Я обручъ на лицѣ чела рѣчной.
Я обручъ голубой вонзилъ въ моихъ
кудрей волну.
Я вопль мой о той вложилъ въ цивесъ
длину.
Что вѣчный въ лобзебрѣ цвѣтокъ
Отвергъ свое люблю! люблю ее потокъ
Моихъ то шире, то бѣднѣй
То богомъ, то людьми стремящихся съ
безумьемъ дней
Я любистѣль! Я нѣгистѣль!
Воинъ лобзебряиныхъ мятель!
Но лишь край груди омочу
О край волнистый лобзебръ волнъ
Я воинъ отданный мечу.
И снова тоскъ гремящихъ полнъ.
Я любровы темной ясень
Я глазами въ бровяхъ ясенъ.
Я любавецъ! Я красавецъ!
Я пою скорѣй плясавецъ
Ночи, неба и зари
— Такъ велѣли кобзари.
Я нѣгиня, я богиня
Въ звонкой радости полей
Я нелгиня, я богиня

Быть смѣянственно голѣй
Звѣздный иней, звѣздный иней
Будь, упавъ на звукъ, смѣлѣй!
Людей когда нибудь обоговѣтъ надежды!
Будь моихъ нѣжинъ одеждой
Пусть соединенный говоръ пляскъ
Пронзитъ меча на бедрахъ лязгъ.
И пусть коснется лобзебро
Врагу пронзившаго ребро:
Имя, имя, имя, имя
Предковъ душами овьемъ.
Снимемъ, снимемъ, съ ними, съ ними
Сѣть сотканную навьемъ
Звонко-ль, ясно, тихо-ль, худо-ль
Въ этомъ есть удаль.
О мчи мечи нашъ
Крикъ бѣгущій, тишинами
Мы устали быть не нами!
Такъ и такъ, вотъ такъ, вотъ такъ.
Любовница и лѣшакъ
Пѣли
Пока уста конеи кипѣли.

* *
*

Были вещи слишкомъ сини,
Были волны хладный гробъ
Мы подъ хохотъ небесини
Пили чашу смутныхъ мробъ.
Я въ волнѣ увидѣлъ брата,
Онъ съ волною спорилъ хлябей
И туда, гдѣ нѣтъ обрата,
Броненосецъ шелъ „Ослябя“
Надъ волной качнулись трубы,
Дымъ разорванъ былъ въ кольцо,
Я увидѣлъ близко губы
Брата мутное лицо.
Надъ пучиной емля уголъ,
Толпъ безумныхъ полонъ бокъ.
И по волнамъ косъ и смуголъ
Шелъ японской роты богъ.
И тогда мои не могутъ болѣе молчать уста!
Перунъ толкнулъ разгнѣвано......
И, млатъ схвативъ, сталъ мечъ ковать изъ рудъ,
Давъ клятву показать вселенной, что значитъ русскихъ судъ!
Въ бурунахъ пучины сѣдыхъ
Въ зелено-тяжкихъ
Пловцы испуска смертный дыхъ
И смерть была ихъ отдыхъ.
Было человѣчественной
Сыто море пѣной,
Оно дрожало ходуномъ
И голосомъ всплеснули до вселеной:
Измѣна, братія, измѣна!
Карая на нашъ родъ.....

Бойтесь, о бойтесь, монголы,
И тщитесь въ будущемъ узрѣть Ниппонъ,
Свои поляотъ жертвенныхъ чертоговъ голы,

А надъ собой насмъ ликующій законъ.
Было монистомъ изъ русскихъ жизней.
Въ Цусимѣ повязано горло морей
Такъ куритесь-же ниппонскія тризны,
Когда насъ подунетъ снова Борей.
Быть ожерельемъ изъ русскихъ смертей
Цусимы сладостный удѣлъ
Что Руси рокъ въ грядущемъ чертитъ,
Не ужаснулся, кто глядѣлъ.
Ея вздымается глава
Сквозь облаковъ-времена,
Когда истлѣвшія слова
Стали враговъ ея имена.
Слушайте, слушайте дѣти тревога
Пусть наполняетъ бурыя лица
Мы клятву даемъ
Вновь оросить своей и Вашей
Кровію сей сіяющій
Безпредѣльный водоемъ.
Раздается Руси къ морю гнѣвъ
Не хочешь быть съ Россіей, съ ней?
Такъ чашей пучины зазвенѣвъ,
Кровями общими краснѣй!
Такъ и ты Ниппонъ растерзанъ былъ
ея орлинымъ летомъ
И чтенія о тебѣ лекарствомъ отъ зубной
боли съ крысинымъ наравнѣ пометомъ.
Зубной боли!
Чего-жъ ты хочешъ болѣе?
Туда, туда она направитъ летъ орлицы!
Блѣднѣйте смуглыя японцевъ лица.

Инири.

Время валомъ смѣлыхъ дѣлъ.
Берегиня Милины.
Если край инесъ задѣлъ —
Вспыхнутъ гнѣвнымъ Инири.
Кто понять иное смѣлъ,
Ну, пойди въ чужой удѣлъ!..

* *
*

Сюда лиска прибѣгала
Легкой поступью порхала
Уши нѣжно навостряла
Съ видомъ тонкаго нахала,
Концомъ желтымъ опахала
И сердилась и махала.
Пташки чудно ликовали
И свистѣли ворковали
Голосъ ужаса пронесся
Вотъ какъ воинъ плахи
Вертятъ мучениц колеса?
Иль ведутъ насильно свахи.

* *
*

Мы желаемъ звѣздамъ тыкать
Мы устали звѣздамъ выкать
Мы узнали сладость рыкать
Будьте грозны какъ Остраница
Платовъ и Баклановъ.
Полно вамъ кланяться
Рожѣ басурмановъ.
Пусть кричать вожаки!
Плюньте имъ въ зѣнки.
Будьте въ вѣрѣ крѣпки
Какъ Морозенки.
О уподобьтесь Святославу.
Врагамъ сказалъ: иду на вы!
Померкнувшую славу
Творите сѣверные львы.
Толпою прадѣдовъ за нами
Ермакъ и Ослябя.
Вейся, вейся русское знамя,
Веди насъ сквозь сушу и черезъ
хляби.
Туда гдѣ духъ отчизны вымеръ.
И гдѣ невѣри въ пустыню
Идите грозно какъ Владимиръ
Или съ дружиною Добрыня.

Временѣль.

Умночій вѣщихъ пущъ.
Свирѣлью время назвалъ
И въ мы, какъ день потускъ,
Летѣли тиши язвы.
Онъ стоялъ у древа жизни
И свирѣль къ устамъ поднесъ
Замолчали укоризны
Замолчалъ и въ даляхъ песъ.
Ній ній міръ какъ папороть раскрылъ,
Тайны радостныя крылъ.

Мыть—возрождать міръ.

Мизна мизнь
Міръ—мы.
Будоль
Будоль будоль.

АЛЧАКЪ.

Какъ раньше теменъ длинный берегъ,
Гдѣ дѣва съ звономъ длинныхъ серегъ
Съ грустящимъ крикомъ, съ заломомъ
рукъ,
Кинулась въ море, ринулась въ звукъ
Изсиня свѣтлыхъ водъ,
Закончивъ грустный годъ.
Въ валовъ и ревъ и стукъ
Одинъ молчалъ, другая ждала.
Одинъ былъ бѣлъ, другая мало,
И въ лодкѣ ихъ вдвоемъ качало,
Когда въ вѣнкѣ изъ пѣны человѣкъ
Подслушалъ нѣжной съ хладнымъ споръ,
Двоихъ печальный разговоръ.
Сквозь волнъ прибойныхъ хладный
бѣгъ.
„Ты кто,?—крылатый ящеръ,
Потомокъ змѣй, несчастья пращуръ,
Ты, попиратель слабой вѣры
Въ чертогахъ строгихъ морской пещеры?
Моихъ желаній, моихъ надеждъ,
Срыватель ясный во снѣ одеждъ?
На закатѣ темномъ тихъ,
Кто, какой ты силы сынъ?
Сладкій „онъ" иль чужепинъ?
О оставь, оставь меня,
Пожалѣй взамѣнъ другихъ.

Милый!, милый!,—что ты сдѣлалъ?
Другомъ быть ужель не могъ?
И пожатьемъ узко бѣлымъ
Сквозь рыдающіе всхлипы
Ей отвѣтитъ вечеръ въ бѣломъ,
Шевеля упавшихъ кипы.
Жизнь одна у насъ—ужели
Мы не въ правѣ, мы не можемъ,
Только волны посвѣжѣли
Припадать къ холоднымъ ложамъ?
Имя бога призывая,
Въ часъ истомы и досуга,
Вспомни, вспомни, дорогая,
Вспомни, вспомни, о подруга!
—Развѣ я тебя заставилъ,
Развѣ я тебя принудилъ,
Счастья плодъ сорвать безъ правилъ,
Какъ могучій случай судилъ?
Но она отвѣтитъ: „нѣтъ!
Нѣтъ, рѣчистый, не сумѣешь
Лани вынуть мѣдный вредъ,
Только холодомъ повѣешь!
И она заплачетъ снова
Слышны стоны сквозь платокъ.
Онъ—же верхъ гребня рѣзного
Прочь срываетъ какъ цвѣтокъ.
Онъ гребетъ сильнѣе веслами
Прямо къ берегу къ крутому
Гдѣ за елями за рослыми
Пещеры манятъ ихъ истому
Но она моленьемъ звонкимъ

Не отвѣтствуетъ, глуха.
И въ отвѣтъ но просьбу къ гонкамъ
Смотритъ прямо и суха.
Видитъ друга иль не видитъ,
Любитъ или ненавидитъ,
Онъ ее хулой обидя,
Съ нею рядомъ страшно сидя
Страстны рѣчи лепеча.
Умоляя и крича,
Хочетъ мысль ея прочесть,
Хочетъ месть ея отвесть.
Но угрозою полна
Отодвинувшись врозь снова
Къ краю легкаго челна,
Она шепчетъ страсти слово:
„Если эта жизнь обманетъ,
— О, несчастье!, о, бѣда!“
Въ немъ ее ничто не манитъ,
(Очи страшнаго суда)
Челнъ о волны бился валокъ
Билась вольная волна.
Онъ былъ, плача тихо, жалокъ.
Она грустью полна.
И потомъ уходитъ гордо,
Поправляя волоса
По тропинкѣ горной твердо.
Гдѣ бѣлѣютъ паруса.
Чтобъ съ чела того утеса
Гдѣ поетъ и воетъ плесо,
Гдѣ гнѣздуютъ ястреба,
Тѣло слабое неслося

Въ влаги вольные гроба.
Онъ обернулся, молвивъ прощай
О солнце ея не освѣщай.
Сокройсь и падай печальное въ море
Сокройтесь и волны свидѣтели горя!
Алчакъ хранитъ святую тайну
Ея ужаснаго конца
А юноша... онъ не случайно
Бѣжитъ любезнаго вѣнца...

Смуголъ, теменъ и изященъ,

Не отъ тебя ли, незнакомецъ вчера,
Съ крикомъ маменьки! онъ страшенъ!
Разбѣжалась дѣтвора?

Ты подошелъ, гдѣ дѣвица.
„Позвольте представиться!“
Взялъ трудъ поклониться
И намекнулъ съ смѣшкомъ
„Красавица“

Она-же, играя печаткой,
Тебя вдругъ спросила лукаво?
О, сударь съ красною перчаткой,
О васъ дурная очень слава?

Я не знахарь, не кудесникъ.
Вѣрить можно-ли молвѣ?
Знайте дѣва я ровесникъ.
Она-же: извините!
Задумчивый какой!
Летятъ паучьи нити
На синій водоной.

Пошли по тропкѣ двое,
И взята ими лодка.
И вскорѣ дно морское
Уста цѣловало красоткѣ.

* *
*

Грезиpой изъ камня нѣмотъ
Я высѣкъ чертоги грезини—нѣмогъ
Я въ тебя молитвой мѣчу
Міра славный жародѣй.
О пошли ты мнѣ на встрѣчу
Стаю легкихъ жарирей
Мѣчу видѣть огнезарную
Стаю вольныхъ жарарей
Дабы радугой стожарной
Вспыхнулъ морокъ нашихъ дней.
Призракъ быстрыхъ жарирей
Журчаль искрящихся ручьевъ
Печаль сонныхъ соловьевъ
Бѣжаль рѣки, почто куда?
Видаль руки, чисты года.
Мнѣ жаль струнъ родна вода
Стопалями скрипѣли сосны.
Одѣвши золотомъ низы
Плескалями бьютъ волны косны
Въ миръ купавы и лозы.
Милочь и любочь счастливой четой
Идутъ вдвоемъ по тропинкѣ глухой
А за ними вдали голубая рѣка
Катитъ валами всегда глубока.
А надъ ними шатры хвой синесѣдой
А за ними пастухъ одинокій молодой
Обожѣлые глаза! оміредье власа
Высоги, низоги въ зеркальной водѣ
Тамъ облака, здѣсь облака
Дѣлитъ рѣка на два ряда
Босенсь и бѣсенсь
На зеленой травушкѣ
То богиня то бѣгиня
Гдѣ цвѣтутъ купавушки
Плясарышни видъ
Страстнъ и дикъ
Вѣнкомъ изъ гвоздикъ
Лобъ перевитъ
Краснотипѣющія зори
Застали встанственнаго утра.

ОТРЫВОКЪ.

Вы помните о городѣ, обиженномъ въ чудѣ,
Чей звукъ такъ мило нѣжитъ слухъ,
И, взятый изъ языка старинной Чуди,
Зоветъ увидѣть Васъ пастухъ
Съ свирѣлью сельской (есть много нѣги
въ сельскомъ имени),
Молочный скотъ съ обильнымъ выменемъ,
Немного робкій перейти рѣку, журчащій
бродъ.
Все это намъ передалъ въ названьи чужой
народъ.
Пастухъ съ свирѣлью изъ березовой коры...
Нынѣ замолкъ за грохотомъ иной поры.
Гдѣ раньше возгласъ раздавался мальчи-
шески—прекрасныхъ трубъ
Тамъ нынѣ выси заститъ дыма смольный
чубъ.
Гдѣ отражался въ водахъ отсвѣтъ коровьихъ
ногъ
Надъ рѣкой тамъ перекинутъ моста желѣз-
ный полувѣнокъ
Раздору, плахамъ вчера и нынче городъ
ясли.

***

Въ немъ дружбы пепелъ и зола, истлѣвъ,
погасли.
Когда-то, понуривъ голову, стрѣлецъ
безмолвно шествовалъ за плахой.
Не о немъ-ли въ толпѣ многоголосой
дѣвичій голосъ заплакалъ?
Въ прежнихъ силъ закатъ,
Къ работѣ призванъ катъ
А впрочемъ все страшнѣй и проще
Съ плодами тѣлъ казненныхъ на поляхъ
не вырастаютъ рощи.
Казнь отведена въ глубь тайнаго двора
Здѣсь на нее взираетъ дѣтвора.
Когда толпа шумитъ и веселится,
Передо мной всегда казненныхъ лица
Такъ и теперь: на небѣ ясномъ тучка
Я помню о тебѣ, бояринъ непокорный Кучка!

2.

Въ тебѣ, любимый городъ,
Старушки что-то есть.
Усѣлась на свой коробъ
И думаетъ поѣсть.
Косынкой замахнулась—косынка не простая:
Отъ и до края летитъ птицъ черныхъ
стая.

Небистѣли небистѣли,
Озаривъ красу любинъ.
Въ насъ стонали любистѣли
Хохотали каждый инъ
Ихъ нѣжныя милыя личики
Смѣнялись вершиной куд-
рей
Изъ устъ ихъ струился кли-
чики:
„Смотрите, живите бодрѣй"

Кузнечикъ.

(Варіантъ)

Крылышкуя золотописьмомъ нѣгчайшихъ
жилъ
Въ кузовъ пуза кузнечикъ уложилъ
Много верхушекъ приречныхъ вѣръ.
Тарараниньпиньнулъ Зинзивѣръ
О нѣждарь вечерней зари
Не ждалъ.... Озари!
О любеди!..

*
* *

Единотствуя въ скачебной
парѣ
Въ спряготинѣющемъ
узорѣ
И тѣлъ развернутыя нутра
Красотинѣющія зори
Застали встанственнаго
утра.

Дѣежъ сны.

Люботява и Любинья и Лобызава.
Любрава. Люберъ. Любръ. Лебедивые
Злецъ злыня злава злинъ злострахъ злинья
зличь злебръ...

ПОЭТЪ.

Передо мной въ котлѣ варился
варъ.
Въ котлѣ для жаренья быка.
Когтями и языками прилежно раз-
дували жаръ,
До красна накаливъ котла бока,
Десять молодыхъ чертенятъ.
Они совѣтовались какъ дѣти „здѣсь
угли потолки".
Струи, если въ огнѣ кипятъ, онѣ
звенятъ.
Божественный поваръ
Готовился изъ меня сотворить битки.
Взлетали кверху совы
И бились въ потолки
Кипѣлъ горящій варъ и огненные
рождалъ цвѣтки.

***

Морокъ. Ярокій. Тьмичъ облачичь
Небичь звѣздичь ясничь облачній
Сказчичь, сказичь. Сынъ сказн
И туманная Сказь народа
Возставала за дыханіями утра
Небичъ измѣсецъ зыбкій
Я землинъ, но небичь свиристѣлъ
голосокъ, я денничь, но нощичь
вѣдьминъ
Сынъ грезичь юный, грезитель
Сынъ пѣсни былиничь, грезень.
Будичь--сынъ буди. Греженіе грезьба.

Училица.

Соловушко вселенноокій ты пѣсней взялъ меня въ полонъ.

Звукунъ! Уже близка ночь и приближается стадо поцѣлуешерстныхъ, любверогихъ овецъ т. к. слышу рожокъ пастуха и онъ уже властенъ надъ моей душой. И пылью, одѣяющей стадо, кажутся миги ожиданія, полные трепета.

О не томи мою душу, такъ какъ тобою полонъ товарищъ моихъ ночей полночебровый ясавецъ.

Такъ молилась училица Бестужевскихъ учинъ Любочка Надѣева. Сидя въ темной отъ копоти и пахнущей травами и зѣльемъ—сушимцемъ хатѣ ховуна.

Можетъ быть, текла внизъ борода сребровитой куделью

Можетъ быть, это было морозное утро надъ заброшенными въ степи огнеокими избушками.

Если это не было сивое зимнее утро, видимое откуда нибудь изъ узкаго мѣста, изъ затянутаго бычачьимъ пузыремъ окна, то эта могла еще быть охладѣвшая посизѣлая головня, въ которой мелькали злобные вишнево-желтые огоньки очи подъ отяжелѣвшими ховунскими вѣками.

Нѣтъ руки славицу нести въ злыя сѣти, но

есть много рукъ взять оттуда и посадить въ сладчайшую клѣть. Помни, дѣвица, и не иди въ пламя. Есть у тебя и сѣдая глубоокая мать—разрыдается она въ старости, есть и престарѣлый отецъ.

Такъ говорилъ ховунъ, раскачиваясь и полузакрывая глаза и въ таинственномъ маревѣ его выраженій мелькалъ молодой и прекрасный смертноша—съ черными какъ, какъ ночь глазами и щеками малиновитѣй зари.

Я хочу! воскликнула училица, не привыкшая соображать свои желанія съ требованіяпочтенной нравственности, и ударила ножкой о полъ. Заговорила въ ней и мощь однѣхъ и навыкъ къ свободѣ другихъ, но побѣжденъ былъ тотъ памятный разъ голосъ благоразумія и стояла, вселѣннѣя дѣвичьими глазами, и съ дивной игрой и нетерпѣнія и ...годованія и презрѣнія на незнающихъ себѣ равныхъ устахъ.

Стояла пророчественно вѣдая о комъ-то безумно влюбленномъ въ себя и была молода и прекрасна, т. к. всего только годъ пробыла на учинахъ (будучи уволена за невзосъ платы) и не успѣла стать некрасивой.

Что-то странное произошло съ лицомъ ховуна, какая-то молодость пробѣжала по прояснѣвшихъ вдругъ углахъ глазъ.

Но та-же вилась сѣдая кудреватая борода и та-же стояла дубрава волосъ.

Быстро наклонился ховунъ надъ углями и сталъ копаться и только немного далъ хлѣбушка, помазаннаго медомъ, промолвилъ: покушай—ста, боярышня.

Сіяла зимой увѣнчанная волосомъ глава, блистали странно молодые черносиніе глаза и сквозь рубища мелькало крѣпкое молодое, покрытое чернымъ блестящимъ волосомъ тѣло. Носилъ онъ на узкомъ ремешкѣ сухой зеленый вѣникъ и отъ него шелъ пріятный и сладкій запахъ и легкій звукъ. Запускала, украдкой посматривая на ховуна, жемчужные зубки и таинственно отдавалась новой власти молодая и прекрасная дѣвушка—училица учинъ.

И вдругъ обернулся и, взявъ, горящую лучину, приблизилъ къ глазамъ и сталъ въ нѣкоторомъ отдаленіи и молвилъ: что видишь?

И охнула Любочка и закрыла лицо руками, только повторяя: Онъ! Онъ!

Но онъ властно отстранилъ руки и, строго, какъ врачъ, спросилъ: Кто онъ?

Но не отвѣтствовала та и ужасъ и восхищеніе были въ ея безмѣрно раскрытыхъ глазахъ.

Зорекудель?—Да! Зерекудри точно утромъ небо пышутъ и дышатъ надъ плечами? —Да.

Синёмы взоровъ? Озерное небо подъ осеннимъ золотомъ тростниковъ?—Да?

Золотомъ шитый крутой воротникъ?—Да!

Легкій и изящный извивъ губъ, говорящій

о порочной и привыкшей къ наслажденіямъ жизни?—Да!

Не поросъ-ли онъ нѣжной бородой молодой и прекрасной?—Да!

Не показываются-ли въ его бородѣ нѣкоторые сѣдые волосы?—Да!

Не простирается-ли его сѣдая борода по плечи и грудь?—Да!

Не потускнѣли-ли его синіе глаза?—Да!

Но не сталъ-ли онъ отъ этого еще прекраснѣй?—Да!

Что-то радостное и злое пробѣжало по двояко жизненному лицу ховуна.

Такая прекрасная разсудительная дѣвица не нуждается въ помощи лучины, „замѣтилъ онъ и, погасивъ лучину, повелъ за собой покорную, счастливую и влюбленную учимицу, шепчущую: “ Ты! Ты!

Злое и злое вѣтромъ трепетало надъ нимъ въ воздухѣ.

И какъ сказать? И какъ объяснить?

Въ ея сознаніи въ этотъ мигъ мелькали преславныя и презнаменитыя на Руси имена Бехтерева и Лосскаго и ихъ темныя ученія о природѣ человѣческой думи—такъ какъ она много изучала эти науки и любила ихъ. Такъ уходила, влекомая ховуномъ, въ дверь.

Въ ту-же ночь молодой и прекрасный юноша всю ночь простоялъ у слюдяного окошечка, сквозь которое свѣтились кованные блестящіе на лунномъ свѣтѣ ларцы и Басурманскіе ковры, вывезенные изъ черкасской стороны.

Всю ночь онъ отвѣчалъ на испуганные вопросы подкупленной его золотомъ мамки: нѣтъ?—„все еще нѣтъ“....

Былъ онъ недавно съ похода противъ Пскова и желѣзный мечъ висѣлъ черезъ его плечо.

Подъ утро онъ былъ схваченъ проѣзжавшими опричниками.

И подъ вечеръ того-же дня сухая стариковская голова, пожевавъ губами, прошептала „и боярскаго сына Володимерко“.

А послѣ, склонясь, и набожно глазами, добавила „и иже ты, боже, вѣси“!..

Пріѣхавшая въ рыдванѣ, къ полудню боярышня съ несказанной печалью встрѣтила извѣстіе о участи, постигшей молодого боярина

Долгіе дни послѣ того ее можно было встрѣтить въ храмѣ блѣдной и печальной отслуживавшей поминальныя службы по усопшемъ боярскомъ сынѣ.

Не уступала и инокинямъ въ чернотѣ одежды и блѣдности лика

И всегда въ рукѣ горѣла свѣча—тонкая и ясная

Кончила свой вѣкъ въ заволжскихъ лѣсахъ

Такъ тщетно силились разорвать цѣпи времени два любящихъ сердца.

Міровикъ.

И Міровичей —духъ надзвѣздный, зазвѣздалъ и синимъ лономъ неба онъ обитаемъ послѣдній и одинокій.
Міресъ иныхъ извѣдалъ жажду; конины съ солью я отвѣдалъ. Иныхъ новинъ побѣды жажду.
Мірійныя цѣлины просѣкъ ораломъ звѣзднымъ
Разгребъ за валомъ бездны міровинныя цѣлины.

—o—

Водовичій
Водяничій
Ледовичій
Ледяничій
Огнявичій

*
* *

Вонъ черная роща и жертвенный камень
И два согнутые жреца.
Курись, служи неясный пламень
Глазамъ людей и дѣлъ конца!

* *
*

1.

Осинъ серебрянныя бревна
Сумракъ пронзили сѣдой
И стоятъ двѣ водяныя царевны
Одежды зеркальной водой.

2.

Онѣ серебряною зыбью
Замутивъ рѣки заливъ
Ночью купая тѣло рыбье
Отъ ткани тайну оголивъ

3.

Одѣли свой передникъ
Изъ тонкихъ водныхъ травъ
Молчитъ ихъ собесѣдникъ
Любви ночной уставъ.

4.

Сіяютъ лебеди какъ свѣчи
И конь съ целомъ винственнымъ
Ступаетъ издалеча
Какъ жрецъ любви таинственный.

5.

Священно смуглыя лопатки
Цвѣткомъ вѣнчаннаго коня
И въ переливчатыя складки
Упала на земь простыня

6.

На травы и подковы
Упали чистые покровы
Съ добычи тучныхъ ногъ
То радости чертогъ.

7.

Не двѣ восковыя свѣчи прудовъ
Лебяжья думаетъ чета
О бѣлыя тѣни бѣлыхъ луговъ!
О бѣлая ночь и высота!

Смертирей беззыбкихъ пляска
Времирей узывныхъ сказка.

—о—

Неумь, разумь и безумь три сестры плясали вмѣстѣ
Въ покрывальностяхъ бездумій въ покрывальностяхъ невѣсты
Руки нѣжныя свились ноги нѣжныя свились
Все кругомъ сплелось свилось въ вязкой манни расплылось.

—о—

Безвирный небинь
Обуть. Надувь.

Съ былевомъ змѣево заревъ сплелось.

—о—

Радуга.
Младуга.
Сладуга.
Гадуга.

дремунь дремунъ

Виръ голубой

Я нѣмизны долиность
Я будизны заливъ нѣмостынный
Мірщинность.
Вѣюнъ игранствъ внѣмірныхъ

Юниня, на вѣткѣ сидя,
Рыдала, смѣялась, рыдала.

И въ бездумномъ играньи игражій
Расплескалися яри быважій.
Небянки; яркушки. Рыдунчики.

И я свирѣлъ въ свою свирѣль
И міръ хотѣлъ въ свою хотѣль
Мнѣ послушныя свивались звѣзды въ плавный кружетокъ
Я свирѣлъ въ свирѣль,
выполняя міра рокъ.

Сопряженіе корней.

Времири смѣющіеся.

ЗАЧАЛО.

Смѣйно смѣйно возсмѣемся!
Осмѣянственности смѣя смѣхи смѣйные усмѣя осмѣянственность осмѣя, смѣя, смѣя, смѣя смѣя! Осміяпность смѣйныхъ смѣховъ.
Засмѣйтесь смѣйность смѣя. О усмѣйте смѣхъ посмѣя. Смѣйевно смѣйево усмѣй осмѣй смѣйево смѣйево усмѣй осмѣй усмѣй осмѣй осміянственность смѣя, смѣшики смѣшики, смѣхири смѣхири смѣхушки, смѣшанки, смѣйево смѣево. О засмѣйтесь, смѣхачи, о разсмѣйтесь, смѣхачи. Что смѣются смѣхачи, что смѣянствуютъ смѣяльно, о засмѣйтесь усмѣяльно. Смѣюны смѣюны смѣюнчики смѣюнчики, смѣшики, смѣюпявые, смѣюпявые смѣюняне, смѣюнянки, смѣяныши, смѣянышки о разсмѣйтесь, смѣхачи, о усмѣйтесь смѣхачи Смѣюности, смѣюнности, смѣянности смѣянности смѣюнчики, смѣшики. Смѣшунки смѣень. Смѣянецъ смѣямице осмѣятва смѣюнность о изсмѣйся усмѣяльно смѣхъ усмѣйныхъ смѣхачей. Смѣянилъ смѣючикъ.
О смѣянствъ смѣючій смѣхъ, смѣхъ усмѣиныхъ смѣячей.
О смѣяльностей смѣяльныхъ смѣхъ разсмѣиныхъ смѣхачей.
О смѣянствуйте смѣянно смѣхъ смѣяльныхъ Разсмѣянствъ!....

Думаломъ волиломъ я міръ озарилъ
И пляскою вязкою жиръ окружилъ.

—о—

Въ Яробѣ нѣмоты
Играли и журчали
Двузвонкой слѣпоты
Жемчужныя звучали

—о—

Жарбогъ! Жарбогъ!
Я въ тебя грезитвой мѣчу
Дола славный стаедѣй
О взметни ты мнѣ навстрѣчу
Стаю вольныхъ жарирей.
Жарбогъ! Жарбогъ!
Волю видѣть огнезарную
Стаю легкихъ жарирей
Дабы радугой стожарною
Вспыхнулъ морокъ нашихъ дней

—о—

Поручейное

Въ умныхъ лѣсахъ правенъ лѣсовой
Въ милыхъ водахъ силенъ Водяной
Въ домахъ честенъ домовой
А въ народѣ Славяной.
Такъ зыбитъ снуетъ молва
Съ нею славенъ, славенъ я!

—о—

Пѣсничъ—сынъ пѣсни.
Былинничъ
Грезичъ юный.

Боготекумъ.

И дѣва вѣкиня вѣкиня въ вѣкахъ
Вѣкуя свой вѣкъ въ огнелѣтныхъ вѣнкахъ
На долево зарево бросаю я сѣнь
И гласомъ безъ марева кликнула день
И день восторгнулся и день возстаетъ
И день свое вѣно вѣкинѣ несетъ
И дѣва, ликуя, цѣлуетъ и молвитъ, „Женихъ"
И вѣтка качается (отнынѣ) для нихъ для двоихъ.

Чадъ-птица.

За мыслевомъ кружевомъ, кружевомъ тужевомъ
Тынъ я воздвигъ
Въ сладостный младостный радостный мигъ
Стою за отрады оградой моей

И заревомъ маревомъ мысли роняю
въ міръ стаи
Легкихъ тѣней.
И мыслевомъ заревомъ сѣнь
Озарилъ
И гуслями далями день
Подарилъ
За морокомъ ворогомъ одинъ я стою
И, къ мести взывая, месть создаю
И гуслями странными къ дальнимъ
курганамъ вѣсть подаю.
И въ нѣмости бранными
И въ ревности званными
Пѣнности звонами вѣсть подаю
И плѣнности манною
Тлѣнностью данною
Месть создаю.

Повстанница гребней надмірныхъ
Возстанища небней безвирныхъ.

Въ душу холодную какъ ледъ
Вонзить огненныхъ крылъ полетъ
Собой цвѣтокъ поднять со льда
Влагая снѣга видъ боль да
Есть дѣвушка съ прическою Россія
„Ко мнѣ“ отвѣтилъ бы: сюда
Красу молчащую спроси я
Лобзаній огнь нести куда?

* * *

О міръ мой добрый дядька!
Зачѣмъ ты плечами сутулъ
Присядька!
Рядомъ порожній вижу проситъ
стулъ.
Косматый въ бровяхъ и упрямый
Меня стоящаго съ повадкою хлыста
Есть дѣвушка съ прическою „Россія“
Отвѣтила бы мнѣ: „ко мнѣ, сюда,
о да“!
Красу молчащую спроси я
Лобзаній несть уста куда?

Гласитва сказитва.
Гласва сказав.

Сказитвенна дебрей чаща узывная...

Мучоба тучъ въ поюнности зари....

И чирія чирковъ по челу озера
По чистому челу межъ власыхъ тростниковъ
Рати стрекозовыя
Чертятъ яси облаковъ
Чистыхъ облаковъ
Рати стрекозовыя
Зыби волнятъ
Озеро.
    Сизошь
    Нѣмобной мглы узывенъ гласъ.
Грѣхачь. Мерда. Морьба. Смердва.

Пусть древо водоносное
Согнулося съ плеча
Ах время сѣнокосное
Все зубы лихача
Ахъ рѣетъ волна въ берегъ
На займищѣ испарина
И звонъ воздушныхъ серегъ
Товарища татарина
Подъ овчиною отцовской
Дѣва и онъ
Онъ съ прической молодцовской
Слышитъ смѣхъ и стонъ
Она дитя вечернихъ водъ
И видны кольца ея косъ
Красивый умъ красивый ротъ
И станъ согнутый какъ вопросъ.

Слово—пяльцы; Слово--ленъ; Слово—
ткань;

Дѣйство

Старуха—вѣруха за тайной сидитъ
Радуха—родуха на вѣткѣ вопитъ
За далями златомъ падалъ ту-
манъ
За явами выспался дальній
курганъ.

Ночовыя пѣсни
И сѣверъ пощатая жена
Скитовинность глазъ

Грудо—губо—щеко—астая
Руко—ного—главо—астая

СМѢЯНСТВО ДРЕВНИХЪ ЗОРЬ.

Я отсвѣтъ звученникъ будизнъ
Я отмѣтъ славный смертизны
Я оцвѣтъ цвѣтизны
Я отволосъ прядущей смерти
Я отголосъ кружущей Верти
Я отколосъ грядущей зыби,
Я звученникъ будизнъ
Я мученникъ нѣмизнъ
Нѣмостыня будизны.

Нѣмостынныя ткани рыдали свивались
велесо.

Лунный свѣтъ и бѣлая ограда
И тополя какъ стаи парусовъ
Сюда ночной приходитъ лада
Съ калитки снять ея засовъ.

. . . .

Гульба двухъ бурь, двухъ зорь
Расторгъ
Кричитъ Могуль
Какой восторгъ
Кричитъ Могуль
Двухъ зорь расторгъ
Двухъ бурь разгулъ.

За болонью явленій
Узывенъ тихій гласъ

Нѣтъ молода явленнѣй
Какъ тотъ, чей свѣтъ погасъ:

Нѣмобы буйливостью пѣнною цвѣль.

Дыть—дуть; бухъ; вухъ; слухъ; мухъ;
быть; выть; слыть; мыть;

Врематый мужъ

Врематой были воздвигъ я замокъ
Нощатой зови узналъ я вѣсть

Надъ высокою остью молчальни кургана
Вѣнокъ дщерей Высокана

Я небичь блѣдный
Я небичь зыбкій
Едва на землю сойти я могъ...
Водичь я голубой родникъ
Изъ голубыни я возникъ
Я умеръ растаявъ разникъ
Едва доступенъ сталъ мнѣ ликъ.

Просязь
Молязь
Волязь
Солязь
И небязь нѣмобы голубой.
Мятьба
Славоба
Небязь небязю сказалъ
Вотъ лебедокъ стая.
Явана ясебникъ
Явобичь, ясобичь, ясобирь
Нембичь, яробичь, яробирь
Рыдобичей сыновъ рыданіе горнихъ летать станица.
Сыновъ преданій голубыхъ летитъ станица.
Явобенъ міръ
Дѣвинъ градъ.
Ось-особа
Осва осить (ограничивать свою индивидуальн.)
Озда, озба;

Ясота дикихъ тучъ.
Я смѣючесть тихихъ зорь.

Дороги смертинной узывны версты

Пебини небыли юнири

Гробатая явь.

Будрое дитя, молви, когда будешь чер-
вивымъ
Мѣшкомъ, мѣшкомъ тую завязаннымъ
Полнымъ до кроевъ?
—„Буду любимцемъ звѣздъ
Буду балуя править сполохогривой
Звѣздной конницей“....
Поклонимся въ знакъ вниманія до пояса
Будрому дитяти!

—о—

Червядь

Быльнякъ зорецвѣтный
На далевѣ лѣтъ
Возросъ на берегу рѣки
Струйна рѣка моей тоски
Зыбкій, вивкій, перевивкій
Зыбкій въ мысляхъ жизни маревъ

ИГРАЛІЕ.

Видязь видѣній безликихъ
Вѣроши въ яви
Есть узывностынь рѣдкой мечты
Въ русаліяхъ яви голубоши
Безмѣрной безцѣнной безплѣнной
Безтѣшной
Мокоши
    Русаліе
Есть хлябей мечты
Есть Русь хлябей домірнаго
Хлябей довецной черты
Домірнаго міра.

Явитель
Поитель
Цѣлитель.

Самовитый духъ славянъ
О проснися въ насъ проснись
воспрянь!. .
Зливо—то чѣмъ рождаютъ („высѣкаютъ") злобу
Злильня
Злобище.
Злежъ

Сѣять сѣмя
Вѣять вѣмя

Злобничій—духъ войны
Зиръ— видимый міръ.

***Огнивомъ** сѣчивомъ высѣкъ я міръ*
И зыбку улыбку къ устамъ я поднесъ
И куревомъ маревомъ долъ озарилъ
И сладкую дымность о бывшемъ вознесъ

***Зоричи**, небичи, лѣсичи, водичи*
сплетались водились кружились водились
Зорянки водянки лѣснянки землянки кружились водились свивались въ кружетокъ

Снѣзичь.
Марыня звѣздныхъ благъ.

Прать
Править
Мнящій мірами
Мнивежъ
Мнитва
Мнивда
Старомнилъ
Иномнилъ
Мнилочисленникъ
Ты думающій—чье
Мнило—міръ!
Мень.
Мнивень.
Мнилобожникъ.

Синева
Милева
Ляжба
Земьяне съ необъянами тяжбу вели

Людоши плескошь глухая
Пустоши нѣмошь глухая
Въ хвойномъ совиты вѣнкѣ
Гдѣ то молчали страдая
Кто то склонился рыдая
Склонился къ лукѣ.

Мірооси данникъ звѣздный
Я омчусь какъ колесо
Пролетая въ мигъ надъ бездной
Задѣвая краемъ бездны
Я учусь словесо.

Въ пору когда въ вырей
Времирей умчались стаи
Я времушкомъ—камушкомъ игрывало
И времушекъ—камушекъ кинуло
И времушко—камушко кануло
И времыня крылья простерла.

Самунъ Самило
Дѣвятникъ—курятникъ

Кустыння звѣздныхъ рощъ.

Дикій кажень

Тебѣ поемъ Родунъ
Тебѣ поемъ бывунъ
Тебѣ поемъ рдунъ
Тебѣ поемъ вѣдунъ
Тебѣ поемъ сѣдунъ
Тебѣ поемъ владунъ
Тебѣ поемъ колдунъ

Нѣгопраменный Юноль

Я вѣдалъ ненарекаемость бозничаго
Неизбытность полевичаго
Ненасытность огневичаго
Неразсыпность водяничаго
Неувядаемость дѣвичьяго.

Рыть—русло
Быть—бусло
Мыть—мусло

И въ быви будь мѣняя на избытость
Стоглазое стоустое
Хребетъ яритъ щетинитъ и горбатитъ
Стобывно Бысло.

Богу

Заря слѣпотствуетъ нѣмливо
Моря яротствуютъ стыдливо
Дитя лѣпотствуетъ стеня
И я яротствую буйливо
Мы всѣ твоя! мы всѣ твоя
Одинъ ты нашъ одинъ ты нашъ.

И въ утонныхъ нѣгахъ снѣга
Былыхъ бѣлыхъ грезъ зари.

И въ дебряхъ голубыхъ сто-
нало солнце
Любри голубри небо раз-
сыпало.

Смѣхлыя уста смерть протянула
цѣлующая
Дохла и пуста твердь протянулось
цѣлуемая
Голуботѣлая одуванчикокосая
Чьи волосы золота волосы
Овѣклыя слезы остеклянѣлыя чьи
голосы володы голоса
Застыли нетлѣнными
Зовемъ ихъ слѣпые вселен-
ными вселенными....

Забава
Убава красоты дѣвичей.
Ярь.
Яръ. Будрый
Яркій Яритво. Мудрый Ярныя словеса.
Ярый.=Будрый. Занять=заютъ, заемъ=банкъ.
Ярунья. Принять—пріютъ, пріемъ великояріе
дня.
Ярунъ. Досмертный ярежъ.
Ярецъ Яроча рогала билось. Великоярый.
Яритва. Ярево ярежъ. Яротный.
Ярую. Ярюта. Яро яреса.
Яровая. Яроубійцы—аскеты.
Ярьба. Врякъ. Ярійцы. Яроугнетчики.
Ярье. Ярсы. Яривецъ. Ярница.
Наяриваю. Яривецъ Ярлый Яровитый.
Ярила. Убивающій ярежъ.
Яриль. Ярица.
Яровня. Гредень.
Ярина. Яринная ледья.

Мы всѣ земли.
Земь. Земиль.
И неизбывная земность нашего удѣла.
Людеземь.
Тебѣ славу пою, людеземъ. Людеи.
Земь.
Земинь міръ.
Земина. Земинной начало.
Землинъ. Земинка. Земностыня.

Земинъ
— Обитатель земли.
Земинной глуби познал я даль.
Веля Земинная.
И земностей гнусность познал.
Землянствъ.
Нѣтъ, земинное слово не сказано.

Лютарня.
Лютяной.
Лютилецъ лють.
Лютица.
Лютая Смерть
Лютана. Лютва.
Лютана.

Возстаніе вещей.

(Окончаніе. Садокъ судей I. 1908/9 г. „Журавль“.

Могучій созидался остовъ.
Вещи выполняли какой—то давнишній замыселъ,
Слѣдуя стариннымъ предначертаніямъ.
Они торопились, какъ заговорщики,
Возвести на престолъ: кто изнемогъ въ скитаніяхъ,
Кто обѣщалъ:
„Я лалы городовъ вамъ дамъ и селъ,
Лишь выполните, что я вамъ возвѣщалъ“.
Къ нему слетались мертвецы изъ кладбищъ
И плотью одѣвали остовъ желѣзный.
„Ванюша Цвѣточкинъ, то Незабудкинъ бишь
Старушка увѣряла: „онъ летитъ болѣзный“.
Измѣнники живыхъ,
Трупы злорадно улыбались,
И ихъ ряды, какъ ряды строевыхъ,

Надъ площадью желчно колебались.
Полувеликанъ, полужуравель
Онъ людомъ грозно правилъ,
Онъ распростеръ свое крыло, какъ бу-
ря волокна
Путь въ глотку звѣря предуказанъ былъ
человѣчку,
Какъ воздушинкѣ путь въ печку.
Надъ готовымъ погибнуть полемъ.
Узники бились головами въ окна,
Моля у новаго бога воли.
Свершился переворотъ. Жизнь уступи-
ла власть
Союзу трупа и вещи.
О человѣкъ! Какой коварный духъ
Тебѣ шепталъ убійца и совѣтчикъ сра-
зу,
Духъ жизни въ вещи влей!
Ты расплескалъ безумно разумъ.
И вотъ ты снова данникъ журавлей.
Бѣды обступали тебя снова темнымъ
лѣсомъ,
Когда журавль подражалъ въ занятіяхъ
повѣсамъ,
Дома въ стилѣ ренессансъ и рококо,
Только ягель покрывшій болото.
Онъ пляшетъ въ небо высоко.

Въ пляскѣ пьянаго сколота.
Кто не умиралъ отъ смѣха, видя,
Какія выкидываетъ въ пляскѣ журавель
колѣнца.

Но здѣсь смѣхъ пріобрѣталъ оттѣнокъ
безумія,
Когда видѣли исчезающимъ въ клювѣ
младенца.
Матери выводили
Черноволосыхъ и бѣлокурыхъ
ребятъ.
И, умирая, во взорѣ ждали.
О днѣ отъ счастія лицо и концы устъ
зыбятъ.
Другія, упавъ на руки, рыдали
Старосты отбирали по жеребьевкѣ дѣ-
тей—
Такъ важно разсудили старшины
И, набросавъ ихъ, какъ золотистые пло-
ды въ глубь сѣтей,
Къ журавлю подымали въ вышины.
Сквозь сѣтки ячейки
Опускалась головка, колыхая шелкомъ
волосъ.

Журавль, къ людскимъ пристрастясь обѣднямъ,
Младенцемъ закусывалъ послѣднимъ.
Учителя и пророки
Учили молиться, о необоримомъ говоря рокѣ.
И крыльями протяжно хлопалъ
И порой людишекъ скучно лопалъ.
Онъ хохотъ кликъ вложилъ
Въ побѣдное „давлю“
И, напрягая дуги, жилъ,
Люди молились журавлю.
Журавль пляшетъ звончѣе и гольче еще
Онъ людскія крыломъ разметаетъ полчища,
Онъ клювъ одѣлъ остатками людского мяса.
Онъ скачетъ и пляшетъ въ припадкѣ дикаго пляса.
Такъ пляшетъ дикарь подъ тѣломъ побѣжденнаго врага.
О, эта въ небо закинутая въ веселіи нога.
Но однажды онъ поднялся и улетѣлъ въ даль.
Больше его не видали.

Оргатыхъ далей высокъ чертогъ.
Крылатыхъ звалей звеногъ.

Сыновитыхъ дѣвъ—бѣлостыня свитка
Свѣтового неба благостыня слитка.

Колыханіе
Полыханіе
Звѣздыханіе
Волныханіе

Напоръ слова на нѣмь.

Баловень.
Миловень.
Цѣловень.

Дебри—кудри міръ разсыпалъ.

За порохомъ облакомъ ворогъ идетъ
Изъ города волода ковы несетъ
Но лукъ натянулся лукъ задрожалъ
Къ ногамъ моимъ камнемъ недугъ
упалъ.
И я торжествую побѣду кричу
И долы веселые тайный лечу.

Въ изгнанности старыхъ
словесъ
Въ подданности новыхъ чудесъ.

Буйва (древнихъ горъ)
Ярьва
Вѣщва
Молва.

Смертичъ смертичъ поспѣши
Дѣвѣ юнной покажи
Младу жизнь ну задуй
Дѣву въ губки поцалуй!...
Я матери исполнить готовъ
приказаніе
О дѣва, не бойся утѣхи лобзанія
Безъ словъ—готовъ
Приняла умерла.

Замужница съ замужницей
На вѣткѣ ворожили
Причудница съ причудни-
цей
И дѣти у нихъ были.

Небянокъ вязь уманная.

Петербургская шутка на рожденіе Аполлона.

„Чертикъ"

(Діалоги) 1906 г.

Старикъ. О дайте мнѣ рогъ...
Другіе. Внимающіе рокъ...
Старикъ. Просторы смѣрьте...
Внимающ. Смерти........
Старикъ. Есть Онъ радѣйте въ немъ любить....
Кто-то. Съ застывшимъ взоромъ внемлю: бить.
Старикъ. Смерть шествуетъ съ нами
Внимающ. Внимающіе. Съ нами.
Старикъ. О. Лукавое имя! (роняетъ рогъ и исчезаетъ во мглѣ).
Слушающ. Ими...
Съ брит., Худымъ лицомъ и въ длинныхъ волосахъ пробѣгаетъ ученый и кричитъ, разрывая на себѣ волосы:
„Ужасъ! Я взялъ кусочекъ ткани растенія самаго обыкновеннаго растѣнія, и вдругъ подъ вооруженнымъ глазомъ онъ, измѣнивъ съ злымъ умысломъ свои очертанія, сталъ Волынскимъ переулкомъ съ выходящими и входящими людьми, съ полузавѣшенными занавѣсями, окна-

ми съ читающими и просто сидящими другъ на другомъ усталыми людьми и я не знаю куда мнѣ идти,—въ кусочекъ растенія подъ увеличительнымъ стекломъ или въ Волынскій переулокъ, гдѣ я живу. Такъ не одинъ и тотъ же я тамъ и здѣсь, подъ увеличительнымъ стекломъ въ кускѣ растенія, и вечернемъ дворѣ? Вселенная на вопрашенія мои тиха! Кусты протягивая смѣхи какъ лица. Ха-ха-ха-....

Скачутъ Голыя вѣдьмы съ буйнымъ свиткомъ волосъ и осѣдлавъ ученаго мчатъего на край видимаго поля.

Вѣдьмы. На водопой, на водопой сѣдого ученаго,
За очки его держитесь какъ поводья,
Верхомъ, на конякѣ верхомъ.
Мы мчимся по полю на скакунѣ плохомъ?
На сѣдомъ длиноволосомъ ученомъ—
О покажи, конь, свое робкое лицо намъ.

Старица болота. Онъ бывалъ въ гостинницѣ человѣкъ умный и простой.
Гдѣ останавливаются боги, гдѣ приличествуетъ быть богамъ
И вотъ онъ разумомъ заплатитъ за простой
И вотъ онъ вызвалъ вѣдемъ—
Лай и гамъ.
И ликованіе вложенное въ приподнятые губы мы вмѣстѣ—съ этимъ ѣдемъ!

Любовникъ съ поднятымъ воротникомъ и блещущими смѣлостью глазами въ тѣни воротъ, гдѣ злой стоитъ младшій дворникъ.
Здѣсь должна пройти Оля. Чортъ на помощь.! На помощь милый чортъ!

Чертъ. — Я здѣсь молодой человѣкъ, что вамъ угодно отъ меня?

Мол. челов. — Немногаго. Ты видишь на углу? Ты понимаешь,
Здѣсь толпы съѣхавшихся съ разныхъ концовъ Русской земли дѣвушекъ истребляютъ свои права быть нашимъ небомъ и справляютъ тѣ, которыя способны обратить вѣдемъ въ бѣгство.
Крашенныя кошки и собаки прилежно замѣняютъ соболя расходящихся съ ученія дѣвушекъ.

Пѣснь гулякъ. Я пою навстрѣчу тучамъ·
Сномъ мгновеннымъ, сномъ летучимъ
Именуйте жизни зелье
Жизни тѣсна, низка келья.
Но порою слишкомъ жгучимъ
Взорамъ тонко покрывало.
Мы напѣвы смерти учимъ
До семьмого истинъ вала.

Одна. Кантъ... Контъ... Кентъ.... Кинъ...

Мол Госп. Опа! (бросается съ поднятой рукой)

Чертъ. Куда?

Мол. Госп. На звѣзду, купающую свой ликъ въ коплѣ орошенномъ кровью.

Чертъ. Есть! Вы подымаетесь какъ два звѣря, оставивъ на землѣ все непужное. Среди возгласовъ Ахъ! Охъ! Ахъ! падаете въ обморокъ. — Въ чемъ дѣло? Не нужно ли здѣсь присутствіе чорта?

Всѣ. (Съ слабымъ ужасомъ) Она улетѣла.

Чертъ. Неужели?

Одна. Ахъ, ея волосы печально порыжѣли на образѣ зимней мятели.
Они улетѣли. Неужели! Имъ чужды стыдъ и страхъ.
Ахъ... Ахъ...
(Закрываютъ лицоруками и, вынувъ платочки, плачутъ сидя на снѣгу).

Чертъ. Какія прекрасныя книги оставлены ею здѣсь. Цѣлая куча.
Все Контъ да Кантъ. Еще Кнутъ. Извозчикъ, не нуженъ ли тебѣ кнутъ?
А?—У меня и свой есть. Дѣло:
Неужели вся эта гора книгъ нужна была для сего весьма легкаго и не замысловатаго полета по этому зимнему звѣздному небу.
Или это башня для разбѣга, къ которой прибѣгали всѣ начинающіе воздухоплаватели.
Ахъ, повидимому скоро будетъ открыто высшее училище передвиженія вскачь на лошадяхъ, лицомъ волочащимся по камнямъ.
Ногами привязанными къ конскому хво-

сту, хотя нѣкоторые люди говорятъ, что въ старину этотъ способъ передвиженія примѣнялся обыкновенно къ казни. Но, что хочетъ погибнуть—погибнетъ.

Старуха. А то еще есть городъ, гдѣ камни учатся быть камнями и проходятъ всѣ три рода образованія,—высшее, среднее инизшее.
А мостовая учится быть мостовой и что-же!.-Всѣ люди ходятъ изъ предосторожности съ отбитыми предварительно носами, а кони, отъ избытка образованія, тамъ трехногіе.—Потому что камни ходятъ и изучаютъ Канта.

Чертъ. Да, великъ свѣтъ и чудны дѣла его, все не поймешь, да и гдѣ понять. Черныя службы Наву. Понялъ? Понялъ? Добрый чертъ?
Понимаешь, люди такъ захотѣли быть святыми, что самый злой чертъ все таки немного добрѣе самого лучшаго человѣка.
Разъ два—вѣдьма и лѣшакъ. Я или она' но полетъ, полетъ по сиво—сумрачному небу, гдѣ строи трубъ, гдѣ городъ, кушающій вершки и оставляющій людямъ корешки, стремится стать тѣмъ, чѣмъ давно уже умѣлъ стать лишай на корняхъ березъ и ихъ вѣткахъ. Полетъ, чортъ возьми, чертъ.

Чертъ. Слушаюсь Вашихъ приказаній добрый иблагосклонный господинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ молодой человѣкъ, въ которомъ кровь играетъ, какъ когда—то въ вселенной божество. А нынѣ оно утихло.

Мол. госп. Обдумай въ мелочахъ наше предпріятіе. Опьемъ эту ночь и эту легкую мятель за наше предпріятіе и будемъ на „ты“.

Чертъ. Я предпочитаю слѣдовать вдохновенію. Чтоже касается „Ты“, „Вы“ плотина прукотораго мельникъ „Ты“; И всѣмъ, что ни луга, а мельникъ бываетъ виновникомъ ихъ затопленія. Однако здѣсь становится жарко даже и для насъ, умѣющихъ жить въ пеклѣ. Ты знаешь кто это? Въ сусличей остроконечной шапкѣ въ дубленномъ зипунѣ подвязанномъ зеленымъ поясомъ и притворяющійся пьянымъ? Это Перунъ.

Перунъ. А мнѣ наплевать, хотите облѣсить степи висѣлицами для измѣнниковъ и обезлѣсить лѣса-облѣсяйте.
Ваше счастье и Ваше добро-манная утка для дикихъ товарищей летящихъ на гибель. Вотъ почему она цѣла зоветъ съ поконъ вѣковъ на выстрѣлы. А мнѣ наплевать. Я пришелъ Васъ спасти. А ни хотите, какъ знаете.

Старичекъ. Вѣдомо, противъ воли нельзя.....

Мальчишка. (Къ Перуну)! Дядюшка, а дядюшка, достань воробушка!

Перунъ. А мнѣ наплевать. Городовой, а городовой, ты хорошій человѣкъ.
а?

Городовой. Некогда мнѣ съ тобою разговаривать.

Кто-то. Ухъ! вотъ это дда! (изумленный, остапавливается и бѣжитъ дальше)

Мол. гос. Какъ ты думаешъ, чертъ. Много ли сейчасъ времени?

Чертъ. Судя по Вашему лицу, я думаю осталось ровно столько, чтобы ко времени появленія Вашей обольстительницы ея красота имѣла нѣжныя очертанія скуки.

Мол. госп. Въ этомъ есть опасность, мой дорогой.

Чертъ. Опасность? Опасны, но я когда-то пасъ сны! Смотри:

Въ охабнѣ и жемчугами покрытой мурмолкѣ, „послѣдній Русскій“ ты видишь идетъ. Неправда ли его брови приподняты грозой, а на устахъ змѣится недобрая улыбка. О, онъ предвидитъ то, о чемъ бросилъ пророчество въ дубленномъ зипунѣ Перунъ, но кто его слушаетъ? На него только съ улыбкой оглядываются и, смѣясь, показываютъ пальцами. Онъ тоже знаетъ кое—что о лѣсахъ, о которыхъ не зналъ Геродотъ. Но что это цвѣточные воины? Мечи изъ цвѣтовъ!? Смотрите, завязывается битва. Обороняются, играя снѣжками, выходя

съ книгами въ рукахъ съ утомленными лицами, они бросаютъ и храбро ведутъ битву цвѣтовъ.

О, въ этой битвѣ цвѣтовъ и я умереть готовъ!

Здѣсь есть лица не дурныя даже для вѣдемъ. Но есть и ученыя. Дѣвицы сидя на голомъ снѣгу и закрывъ лицо платочками, плачутъ.

Чертъ. До свиданія сестрицы. Мы, можетъ быть, встрѣтимся съ Вами на болотѣ, если Вамъ будетъ когда нибудь угодно въ собираніи травъ найти пріятное и забавное времяпровожденіе, Не забудьте, впрочемъ, громко назвать меня по имени. Мое имя нѣсколько страшное, имен но оно звучитъ: „ЧЕРТЪ“, но это не значитъ, чтобы я не былъ вѣжливымъ молодымъ человѣкомъ. Я даже люблю слушать бритаго пастора. Что-же касается......., то я люблю посѣщать обѣдню въ день кончины Чайковскаго. Вы видите съ какой легкостью и при томъ ничего не требуя взамѣнъ, я раскрылъ передъ Вами свое общественное положеніе. Отвѣчайте мнѣ тѣмъ же и Вы; между нами завяжутся отношенія ни къ чему не обязывающія,—болѣе призракъ чѣмъ вещи, но все-же изрядная сумка боевыхъ выстрѣловъ противъ скуки, хандры и друг. гостей, подражающихъ заи-

модавшихъ въ недовѣрчивости къ клятвеннымъ словамъ прислуги, что хозяевъ дома нѣтъ или что годъ уже какъ они умерли. И такъ, еще разъ, до свиданія. (Кланяется, приподымаетъ шляпу.)

Одна изъ дѣвицъ. (Приподымаясь) Ваше лицо нѣсколько иное, чѣмъ у другихъ. Ваши глаза нѣсколько ярче, чѣмъ глаза другихъ. Такъ какъ дома меня ждетъ только сухой чай съ гороховой дочерью Германіи и учебникъ положенія городского населенія при Каппетингахъ, то я бы послѣдовала за Вами на Ваше болото, собирая травы и слушая Ваши разсказы, т. к. мнѣ кажется, что это будетъ имѣть большое значеніе для самообразованія, чѣмъ мои обычныя вечернія занятія.

Чертъ. (Раскланиваясь) Моя прославленная учтивость побуждаетъ меня сдѣлать все зависящее отъ меня, чтобы я отблагодарилъ Васъ за Ваше общество, которымъ Вы любезно подарили меня, далеко превосходящимъ Ваши скромныя предположенія образомъ.

Друг. И я! И я! (Нѣкоторыя отымаютъ отъ глазъ платочки и гордо, не глядя, уходятъ).

Чертъ. О, прекрасныя дѣвицы! Клянусь тѣмъ естественнымъ дополненію къ людямъ установленнаго образца, которымъ меня

надѣлило людское недоброжелательство, вы найдете въ моемъ болотѣ болѣе того, чего искали Канты, потому, что ихъ искапія слишкомъ часто напоминаютъ кусочекъ зеленой, по единственной колбасы у цвѣтовъ па окопикѣ.

Одна Соловьевъ... Отечественный мыслитель сказалъ...

Чертъ. Да, мы тамъ послушаемъ и соловьевъ. Знаете, что недавно я долженъ былъ принять ходоковъ отъ городскихъ кошекъ, жалующихся, что несмѣтное количество ихъ сестеръ погибаетъ отъ предразсудка, что весенняя пѣснь кошекъ, ихъ хвала восходящему солнцу менѣе пріятна, чѣмъ пѣсни ихъ вкусныхъ соперниковъ по нарушенію ночной тишины соловьевъ и, что сводъ законовъ не ограждаетъ ихъ отъ летящихъ чернильницъ и просящихъ слезно разсѣять этотъ предразсудокъ. Но я долженъ былъ имъ указать на ограниченность круга ихъ міропониманія и заявить, что начало кошекъ, призванныхъ замѣнить нѣчто мычащее или только еще хрюкающее, (и здѣсь благородство имѣетъ раздѣлы) — есть міровое начало и восходитъ до звѣздъ и даже дальше за предѣлы сихъ свѣтилъ, ибо самъ міръ,—я долженъ это заявить голосомъ твердымъ и властнымъ есть лишь протяжное „мяу“ зараженное и поданное намъ вмѣсто благороднаго „м-му“. Вы видите, что и я бываю способенъ на потрясеніе основъ.

Одна. Вы нѣсколько порой болтливы, Чертикъ. Вы позволите намъ называть Васъ „Чертикъ?“

Чертъ. О—да, и замѣтьте при этомъ и съ большимъ удоовольствіемъ.

Друг. Если Вы завели разговоръ о кошкахъ только потому, что разсказывали раньше о кошкѣ, то это доказываетъ Вашъ дурной слухъ и то, что пишите очень скверные стихи.

Чертъ. Это обмѣнъ рукопожатій въ пляскѣ скорой рѣчи?

Одна. Только ради Бога не упоминайте о коромыслѣ?

Чертъ. Я пораженъ, я побѣжденъ, я отступаю передъ Вашей наблюдательностью, блестящимъ лезвіемъ Вашей мысли. Увы! Зачѣмъ отрицать и отпираться, я именно о коромыслѣ хотѣлъ упомянуть.

Одна. (Смотритъ на часы) Однако мнѣ нужно идти. Знаете, Чертикъ, когда Вы очень волнуетесь у Васъ на бровяхъ показываются рожки. (мужественно, низкимъ голосомъ, подавая руку). Досвиданія, Чертикъ, мнѣ нужно идти.

Чертъ. Какъ вы уходите? Уже? Нѣтъ, этому не бывать! Гдѣ мы? А! зданіе Кн. Дашковой.

Милый Геркуля, ты простишь мнѣ, что твое изображеніе красуется на всѣхъ порошкахъ съ древле-овсяной мукой— да я винюсь, это была моя злая шутка. Но я думалъ оказать тебѣ услугу, что это тебя прославитъ, когда ты будешь вездѣ въ ходу подобный средству,—которое слабитъ. Что? Что? Ты недоволенъ сравненіемъ? Идемъ, надѣнь мой плащъ! Здѣсь есть два сфинкса, гдѣ они, да вотъ они!

О благородныя и прекрасныя созданія. Неподвижно смѣющіеся въ теченіи вѣковъ. Вы попадаете въ общество, которое будетъ не менѣе чутко прислушиваться къ вашимъ мѣткимъ замѣчаніямъ чѣмъ къ разглагольствованіямъ человѣка съ помоста, который умѣетъ разсказать какой величины былъ носъ у того человѣка и въ которомъ году вселенная услышала его „уа", который вытащилъ васъ, не спрашивая вашего позволенія, на свѣтъ Божій изъ сіяющихъ песковъ и блистательно молчитъ о васъ самихъ. На вашихъ устахъ скользитъ извѣстная доля пренебреженія ко всему земному, но тѣмъ пріятнѣе будетъ вамъ это небольшое путешествіе, такъ какъ увѣряю васъ оно состоится въ противорѣчіи со всѣми земными законами. Вы видите, что на ихъ лицахъ заиграла улыбка согла-

сія. Но для того, чтобы привести въ исполненіе свое намѣреніе имъ нужно услышать священное слово „ка". Здѣсь нѣтъ сыщиковъ?

Ворона Каръ! Каръ!

Вы видите сфинксы, подобно тюлепямъ, радостно кидаются въ воду и, ныряя, плывутъ. Мы съ ними встрѣтимся на пути.

Кто то: Что здѣсь такое?

Чертъ. Ничего. Это упалъ въ воду снѣгъ. Что-же касается сфинксовъ, то они отправились опускать избирательныя записки. Кромѣ того они объявлены неблагополучными по чумѣ и были увезены скорой помощью.

Кто-то. (недовѣрчиво оглядывается) Ты брешешь?

Другой. Тише, это лукавый! Я его сразу узналъ.

Чертъ. Были тѣни. Кромѣ того намъ нужно вызвать Геру.

Геркуля, кто у васъ тамъ есть? (Геркулесъ наклоняется и что-то шепчетъ на ухо) Ахъ, васъ представить! Это извѣстный силачъ, бывшій черносотенникомъ давно—давно и нынѣ снова собирающійся вступить на борьбу съ чудовищами. Гераклъ, подходитъ по очереди пожимаетъ руку)

Всѣ. Ай! ай! И это обѣщанное возмездіе за наше общество? Вы не хорошо отбла-

годарили насъ.

Гераклъ. (тихимъ голосомъ) Простите. Я такъ долго стоялъ на выступѣ дворца, я такъ давно былъ лишенъ счастья пожать кому нибудь руку Было естественно утратить чувство мѣры (съ чувствомъ) Простите!

Чертъ. Ну простите его; видите у него слезы на глазахъ.

Всѣ. О, мы великодушно прощаемъ! И кромѣ того, когда утихнетъ боль, это дѣлается просто смѣшно. Вы страдаете дальнозоркостью?

Гераклъ. О да, я такъ привыкъ смотрѣть въ даль. Въ теченіи такого долгаго времени я долженъ былъ стоять на стѣнѣ и смотрѣть вдаль. Вы не повѣрите, что только облака, а также божественная помощь въ вычисленіяхъ надъ стаями воронъ помогали мнѣ проводить время. Я не хотѣлъ, я не могъ смотрѣть на людей, столь легкомысленныхъ, столь не глубокихъ Ахъ, эти вороны.! Знаете, они знаютъ достовѣрно о нашей грядущей гибели. Они даже знаютъ изъ неизвѣстныхъ мнѣ источниковъ, кое что о тѣхъ, кто прійдутъ смѣнить насъ. И при этомъ, таково свойство этой породы, они надѣются устроиться съ неменьшимъ благополучіемъ, чѣмъ при насъ. О людяхъ-же они отзываются съ величайшимъ презрѣніемъ. О, почему никто

не разгадалъ.

Однѣ. Какъ это глубоко! Какъ это умно, свѣжо! Вы навѣрняка предавались размышленіямъ стоя у оконъ? На вашу голову капала вода съ крыши это непріятно, но это вѣроятно очень освѣжаетъ голову.

Гераклъ. Да, я размышлялъ.

Одна. Не хотите ли надѣть мои очки, я тоже дальназорка.

Гераклъ. Нѣтъ блѣдно. О, если Вы дадите черные очки, то я предстану ими украшенный.

Однѣ. Черныя очки! Онъ проситъ черныя очки, у кого они есть! Вотъ.!.

Друг. У меня есть. Надѣньте. Вотъ такъ. Ну теперь Вы настоящій современникъ. Идемте.

Гераклъ. Да, я размышлялъ. Повѣрите, но среди людей я чувствую себя какъ живой ивовый прутъ, среди прутьевъ пошедшихъ на корзину. П. ч. живой души у городскихъ людей нѣтъ, а есть только корзина. Я живо представлю себѣ жреца Діаны, съ его веселыми блестящими глазами и чувственнымъ краснымъ ртомъ. Онъ бы конечно сказалъ, старый товарищъ и пьяница, что между горожаниномъ та разница, которая существуетъ между живымъ оленемъ и черепомъ съ рогами. Есть нѣкій лакомка и толстякъ, который любитъ протыкать вертеломъ

именно человѣческія, души слегка наслаждается шипѣніемъ и трескомъ, видя блестящія капли, падающія въ огонь, стекающія внизъ. И этотъ толстякъ— городъ. О, какъ презираютъ насъ вороны, и какъ они зорько видятъ будущее. Онѣ питаютъ суевѣрный страхъ предъ калѣками. Не значитъ ли это, что пришельцы будутъ лишены конечностей? Можетъ быть ихъ губы?.

Одна. Знаете, вы немного всетаки одичали. Все вороны и вороны. Это ничего, что я Вамъ говорю: одичали?

Герачлъ. О, что вы, сударыня. Я разрывалъ чудовищамъ пасти и ни сколько не спрашивалъ у нихъ на это согласія.

Одна. О прекрасная невозвратимая Греція! Не правда ли она мало походитъ на нашу величавую столицу?

Гераклъ. Мм... какъ сказать? О да, тамъ были прекрасныя дѣвушки и кромѣ того, онѣ больше плясали и охотились чѣмъ учились, что было—бы сочтено безразсудствомъ и названо безнравственнымъ. Кромѣ того, этимъ боялись бы навлечь гнѣвъ боговъ и кару могущественной Природы. Д—да... . Но, что это за нами топотъ,-впереди смятеніе. Чертикъ! Вы кажется называете его **чертикомъ**;— чертикъ скачетъ на какомъ—то темпомъ могучемъ слонѣ съ еще мертвыми гла-

зами и клыками. Опершись о плечо стоитъ, если не ошибаюсь, Гера. Странное, загадочное зрѣлище. Чтобы сказалъ мой пріятель Никодимъ? Онъ вѣроятно сказалъ бы: Бывающее бываетъ надѣлено въ меньшей степени вкусомъ чѣмъ я.

Чертъ. Мой закадычный другъ и царевичъ— мамонтъ. Онъ готовился принять престолъ своего отца, когда вдругъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, весь родъ ихъ умеръ и онъ, скитаясь, нашелъ въ молодыхъ лѣтахъ кончину въ полузамерзлыхъ болотахъ Сибири. Кромѣ того, Гера, прошу любить и жаловать. Я умчалъ его мимо ученыхъ.

Гера. Какъ противны чувству красоты ваши прически и одежды. Фи! Такъ одѣться не осмѣлилась бы у насъ и рабыня. Въ противномъ случаѣ нѣкоторыхъ изъ васъ могли-бы выйти недурныя гречанки.

Мамонтъ. Издаетъ трубный звукъ, подымая хоботъ.

Чертъ. А вотъ мы и на болотѣ, вотъ лебяжій пухъ. Сорвите изъ нихъ вѣнокъ и украсьте имъ мертвую голову царевича, который такъ и не нашелъ возвѣщаннаго ему при рожденіи престола. О, покройте лобзаньями мертваго друга. (цѣлуетъ въ глаза мамонта)

Гера Страшная участь! Бойтесь люди, трепещите, ужасное ожидая что—то люди! Ужасна участь его его и ему подобныхъ!

Черть. Но гдѣ-же наши Сфинксы? Но вотъ и они, съ гордыми неизъяснимыми улыбками, вынырнули изъ воды и бодро поставили на берегъ лапы. Почему они молчатъ? Вы! Говорите!

Сфинксы. Тише! Тише! Онъ разсердился! фыррь,..

Черть. И улыбаетесь!

Сфинксы. И улыбаемся.

Черть. Достойное Васъ занятіе.

Сфинксъ. Мы думаемъ! (Гера уходитъ на частное совѣщаніе съ спутницами. Черезъ нѣсколько времени онѣ возвращаются одѣтыми и причесанными по образу богини. Богиня стоитъ съ высокой прической и улыбающимися глазами. Легкая мятель плететъ на ея тѣлѣ снѣжные вѣнки.)

Гера. О люди! люди! Отъ лучей зноя насъ защищаетъ мятель. Если бы вы знали, какъ мы любимъ Васъ, пристально слѣдимъ за ходомъ вашихъ судебъ. Если бы Вы поняли, что наша божественная власть зависитъ отъ васъ и внѣ васъ— призракъ. О люди, люди, зачѣмъ вы покинули насъ (смотритъ на звѣзды).

Мамонтъ (Падаетъ на колѣни и глухо рыдаетъ). И я былъ царевичъ! (глухо рыдаетъ).

Гера. Перестаньте вы! О чемъ Вы плачете? Скажите, стыдно толстый юноша. Вотъ на Васъ бѣлый вѣнокъ одѣтъ?!

Вы были царевичемъ, да? У Васъ была невѣста? Нѣтъ! Не надо плакать, дайте я васъ поцѣлую въ вашъ мертвый невидящій глазъ. Не надо плакать. Развеселите его чѣмъ нибудь, дѣвушки! (дѣвушки ходятъ вокругъ плачущаго Мамонта и поютъ: заинька бѣленькій, заинька сѣренькій поскочи, попляши, ударяя въ ладоши) Мамонтомъ овладѣваетъ приступъ неудержимаго веселья, онъ начинаетъ скакать, и плясать и кружиться. Другіе стоять и смотрятъ съ улыбкой.

Мамонтъ. Я вижу! Я прозрѣваю! Я думаю!

Сфинксы. Онъ видитъ! Мы же перестали думать? находя это скучнымъ, и только улыбаемся.

Гера. Да, онъ все нашелъ, Онъ стоитъ въ блаженномъ безуміи. Совьемте-жъ вокругъ него кругъ изъ рукъ и голосовъ, какъ слабо опяненныя виномъ рабыни предъ своимъ царевичемъ.

Сфинксы Обѣщанное возвѣщенно.

Гера. Звѣзды будьте свидѣтели союза земли и любви. Звѣзды, о звѣзды...

Сумасш. (съ горящими глазами). Все вождѣлѣя и имъ вождѣлѣнная, стояла дѣвушка на берегу стараго Волоха. Но, изъ протянутой впередъ руки вселенной,

обнаженная высунута проволока.

Чертъ. Это не живая вселенная, а чучело. Чучело птицы съ мертвымъ глазомъ и выходящей изъ кости проволокой,--ужасно!..

Сфинксы. Это страшно. Надъ этимъ мы не умѣемъ смѣяться. Здѣсь наши улыбки трусы Въ его выкрикѣ есть какой-то мучительный вызовъ.

Чертъ. Да—его слова страшны, но зато онъ нисколько не опасенъ и можетъ остаться. Пусть онъ смотритъ въ глаза мамунга. Смотрите, онъ смотритъ огненнымъ взглядомъ на слѣпые глаза царевича. Смотрите, царевичъ вздрагиваетъ. Закройте всѣ глаза. Вы не вынесете,—это лучи. Царевичъ видитъ.

Кто-то. Онъ и раньше видѣлъ.

Чертъ. Нѣтъ, онъ только-что сейчасъ прозрѣлъ!.. Безумецъ зажегъ слѣпца безумнымъ свѣтомъ своихъ очей. Слѣпецъ прозрѣлъ. Мертвый царевичъ—видитъ! Такъ недополненный кубокъ божества, пролитый на землю, рождаетъ зрѣніе. Слѣпой не вынесъ луча безумія. Учитесь, о учитесь!..

Сфинксъ. Мы улыбаемся.

Чертъ. Разсказывали ли Вамъ, что нибудь подобное учителя?

Всѣ. Нѣтъ, дорогой, не разсказывали.

Чертъ. Мы не видимы для окружающихъ. Мы только мракъ и струи морева для смотрящихъ извнѣ. Но мы все видимъ. Но смотрите—что за странность! Вотъ собирается множество лягушекъ самыхъ разнообразныхъ, большихъ и малыхъ, которыя образуютъ гребень волны, такъ—что мельчайшія лягушки подобны пѣнѣ и вотъ, о чудо! Смотрите! Смотрите! Изъ пѣны рождается возникая новый жрецъ искусствъ **Бѣлокумирный**. Какой странный кумиръ. „Не содержитъ ли онъ однако крысъ!“

Одна. Ну мнѣ пора однако идти домой. Уже поздно и не близокъ путь...
Досвиданья, остроумный чертикъ.

Чертъ. Странное, странное зрѣлище. Я очаровалъ имъ.

Кто-то: Это не богъ....это только выводокъ молодыхъ лягушатъ, храбро поющихъ, каждый на свой ладъ, пѣсни жизни.

Чертъ. Очень можетъ быть. Искуственное заведеніе для разведенія молодыхъ лягушатъ? Совершенно невинное занятіе, друзья, даже безъ знака вопроса, но почему здѣсь вопросы принимаютъ очертанія бога? Разводка лягушатъ...Ха!Ха!Ха!

Сверху. А, мы летимъ на раскатистый голосъ нашего друга. Насъ тамъ не приняли. Насъ чуть не посадили въ какую то жидкость нетлѣнія, и только чьи—то чары, несмотря на негодованіе и вопль жрецовъ, спасли насъ отъ преждевре-

меннаго безсмертія. Ольга схватила насморкъ, простудилась. Я, отъ неудобнаго положенія занятаго разговорами и полета верхсмъ на облакѣ, схватила головную боль. Кромѣ того у меня болятъ зубы. Не знаешь ли чѣмъ помочь?

Чертъ. Есть средства безусловно сильныя. Напримѣръ: положить руку на огонь. Отъ сильной боли зубы должны утихнуть.

Мол. госп. Ты правъ по обыкновенію. А это что за не по нашему одѣтыя особы. Какой у нихъ лихой независимый видъ! Фу ты, ну ты! Это наши товарки!

Чертъ. О! эта одна изъ шутокъ, которыми я забавляюсь. Видишь ли изъ музея похищены древнія и цѣнныя статуи. Пораженныя тѣмъ что происходило,-онѣ будутъ нѣкоторое время стоять въ оцѣпѣненіи, мы же приведемъ на слѣдъ ихъ разыскивающихъ.

Мол. госп. О чертъ, чертъ! Ты обольщаешь всѣхъ кромѣ себя.

Чиновникъ. Вотъ онѣ. А вотъ и воры. Буду стрѣлять при попыткѣ бѣгства.

Чертъ. Мы недвигаемся. (Всѣ разбѣгаются кромѣ черта и молодого человѣка). Это было-бы слишкомъ скучно если бы у моего правила обманывать были желанія. Да! Скучно дѣлать льготы для себя, и невинности быть обманутымъ.

Чиновникъ. Убѣжали! Въ погоню туда въ погоню!

Одна изъ учил. Мы не знаемъ въ чемъ дѣло. Мы отправились при очень невѣроятной обстановкѣ. И вотъ.......

Чиновникъ. Извините, извините..... Я такъ виноватъ. Я прикажу здѣсь подать Вамъ лошадей. Я сталъ жертвой недоразумѣнія.

Одна. Да, но какъ же такъ.

Чиновникъ. Извините, извините, сударыни.

Ч. и мол. гос. (Одни) бесѣдуютъ).

Мол. госп. Смотрите, видите озеро и охотникъ за осокой и держитъ за шнурокъ утку. Это манная утка кричитъ и къ ней слетаются товарищи и падаютъ мертвыми отъ выстрѣловъ охотника. Утка кричитъ, кричитъ....... Что это, сударыня, значитъ? Я долженъ размышлять, не страшенъ ли этотъ сонъ,—этотъ повальный полетъ въ смерть. Я тоже былъ охотникомъ.

Чертъ. Ужасна эта охота, гдѣ осока—годы, гдѣ дичь—поколѣнія.

Мол. Гсп. Ты говоришь страшныя. вещи И твои очи страшны сегодня.

Чертъ. А вотъ дѣвушка подходящая къ пропасти, чтобы кинуть нѣчто лежащее на ладони. Но! Это живое, не только живое, но и цѣлый народъ. Да, онъ несомъ къ пропасти, раздираемый междуусобіями. Окруженный жестокими и грозными

сосѣдями, Онъ презираетъ военное ремесло, существующій только своей многочисленностью; онъ стремиться распасться на сословія раздѣленныя ненавистью. Да! его пропасть близка и близокъ раздѣлъ между воинственными сосѣдями. О лѣса, которые не предвидѣлъ старикъ Геродотъ, Вы будете!

Мол. Гос. Страшно, что ты говоришь чертъ.
Ты сегодня мраченъ.

Чертъ. Поневолѣ. О! О, я, какъ раненный олень ищущій уединенія, готовъ взбѣжать на отдаленную звѣзду и съ закинутыми рогами простонать истину. Въ этомъ есть глубокій смыслъ, мой другъ. О лѣса, лѣса, на нихъ качаются не плоды, а люди. Не мимо ли кладбища мы идемъ? Не страшно ли, что близость кладбища наводитъ на размышленіе о природѣ безсмертія съ проткнутой проволокой и стеклянными глазами? Потому, что всюду, не, смотря на снѣгъ, вижу лѣтніе, яркіе, красные и синіе и нѣжно— глиняные цвѣты, на такихъ же сине—зеленыхъ или блѣдно—желтыхъ широкихъ густыхъ вѣткахъ. Земная потуга на безсмертіе. Но почему именно родили ихъ глиняные и увядающіе цвѣты? Или это голодъ безсмертія, зовъ его идущій изъ дупла? Здѣсь люди задолго

до смерти покупаютъ мѣсто для своей могилы. И въ дни имянинъ—на мѣсто послѣдняго покоя и платятъ сторожу жалованье, чтобы онъ соблюдалъ порядокъ. Такъ они завоевываютъ вѣсомой земной рай.

Нищія. Бабочки, а бабочки, помянемъ рабу Божію (ѣдятъ, стоя гурьбой, кутью съ изюмомъ) Подвиньтесь родныя, бабочки,

Нищій. Вонъ господа идутъ.

Чертъ. (вкрадчиво) Милый баринъ, дайте за упокой души.

Странно чертъ возьми, очень странно. Идемте быстрѣй. Вотъ домъ, утолимой печали. Печали по отсутствующему безсмертіи. Утолимой глиняными тяжелыми вѣнками синихъ незабудокъ подъ стекломъ съ свинцовымъ днищемъ и боками! Странно!, очень странно! Вотъ надпись „И настанетъ великая тишина“. Подъ нимъ око съ расходящимися лучами, идемте люди быстрѣй.

Пѣснь мальчика на кладбищѣ.

Ударится соколъ о колья,
Всѣмъ летомъ соколиной груди
Упалъ. Доля соколья.
Сверкаетъ глазъ въ прозрачномъ прудѣ.
Все ходитъ около крутыхъ и близкихъ стѣнъ.
Въ походкѣ страшной сокола

Покой предвѣріемъ смятенъ.
Онъ ходитъ, пока ловъ
Не кончепъ дикой смерти.
О! тѣломъ мертвыхъ соколовъ
Покой темницы смерьте!

Чертъ. Онъ кончилъ. Поприще глиняныхъ цвѣтковъ подъ свинцомъ и чугунной оградой! Мимо знаковъ! Страшный выводъ! Гдѣ живые люди? съ восточными глазами,. кто не хочетъ смерти, тому мы не подаемъ руки. Того мы травимъ злобными взглядами и усмѣшками. **Пустырь... Мятель**... Кто этотъ. Вотъ одинъ военный, который несетъ на себѣ другого?

Русскій (съ длинными усами несущійзамерзшаго человѣка).

Этого пьянчугу я нашелъ, во время своей ежедневной прогулки за городомъ, замерзающимъ и не могущимъ. Я несъ его, на плечахъ три версты и теперь, гордый и счастливый что я могу спасти его останавливаюсь передъ Вами, первыми встрѣченными здѣсь мной людьми. Помогите мнѣ привести его въ чувство и, когда онъ прійдетъ въ себя, дать хорошаго подзатыльника, чтобы онъ умѣлъ впредь не замерзая идти на большой дорогѣ. Я счастливъ, что спасъ его отъ смерти.

Чертъ. Замерзающая! Замерзающій людинъ! Судя по вашему безкорыстному поступку, высокому росту и отмѣнно—дерзкому

выраженію лица—Вы, отставной воинъ? Вы спасли его?

Русскій. Да я полковникъ. я полковникъ, И я спасъ его.

Чертъ. Я люблю видѣть въ вещахъ прообразы. Я люблю сквозь вещи зоркимъ шагомъ видѣть будущее. Вы разгоняете мои мрачныя думы.. Вы,—добрый свѣтлый лучъ разогнавшій сердечную непогоду. Но спѣшимте его привести въ чувство. Ваша осанка и видъ отставного военнаго заставляетъ меня снять шляпу и просить позволенія пожать вашу руку.

Военный. О да, я отставной военный. При Тырновѣ мой полкъ переходилъ рѣку по шею въ водѣ, шелъ ледъ. Мы сражались за Россію.

Немногіе остались живыми. У каждаго свой правъ. Такъ со славою мнѣ умирать? Я борюсь только за могилы предковъ!

Чертъ. Нѣтъ, я—чертъ Но кто вы? А.. Мм—да. Что—жъ всякое бываетъ. И да.

Русскій. Я протягиваю вамъ палецъ руки. Простите мнѣ мой прямой и откровенный вопросъ. Но я гордъ своей прямотой и тѣмъ что два раза въ лицо назвалъ одного временщика мошенникомъ.

Да я ему прямо въ лицо сказалъ: Вы, ваше превосходительство „мошенникъ“! Теперь я съ удовольствіемъ пожму вашу, простите, честную руку.

Да я сказать правду, несмотря на то что, я какъвидите очень бѣденъ.
Я былъ у него на пріемѣ и такъ и сказалъ: Вы, Ваше превосходительство, мошенникъ. Что и недурно?

Чертъ. Не только недурно, но и прекрасно. Прекрасно и Вы статный старикъ, несущій на плечахъ замерзающаго пьянчугу.
Но повидимому здѣсь холодно. Знаете что? Оставьте его на наше попеченіе. Оставьте намъ и свое имя, чтобы этотъ несчастный зналъ кому онъ обязанъ жизнью, а мы знали въ комъ привѣтствовать приходъ человѣка.

Военный. Съ удовольствіемъ! (даетъ адресъ).

Чертъ. О, тамъ бывалъ. Еще разъ Вашу прекрасную ручку. Эга рука работала шашкой.

Военный. Бал-дарю..., Всего, всего хорошаго. (Идетъ по снѣжной дорогѣ.)

Чертъ. Какая прекрасная личность! И этихъ людей....

Военный. Я человѣкъ рѣшительный. Ко мнѣ разъ подошли босяки: „Баринъ, баринъ, мы тебя зарѣзать хотимъ“. Я имъ сказалъ: „что вы думаете, что я цыпленокъ вамъ? что ли? Живой не дамся въ руки! подходите!“ Они попятились и ушли. У меня же ничего съ собою не было. Ну здѣсь наши дороги расходятся. Балдарю!

Чертъ. Отведемте этого босяка въ чайную и тамъ приведемъ его въ чувство Эй! половой! (на пьянаго указываетъ)

Половой. Что изволите?

Чертъ. (Снѣгу, да всего того что нужно.

Половой. Слушаюсь.

Чертъ. Эти люди могутъ спасти Россію. Какая открытая и благородная усмѣшка!

Чертъ. Всегда и вездѣ послѣднимъ судьей выбирайте звѣря. Не правда ли? великолѣпны эти извозчики со своими рыжими бородами, свѣжими голубыми глазами и тугими шеями? У многихъ изъ нихъ лица властитель. Съ какимъ бы презрѣ-отозвался--бы звѣрь о нашихъ!

Монашка. Братецъ, пожертвуйте на построеніе храма! Братецъ! Спасибо дорогой мой спасибородной. Дай тебѣ Богъ здоровья!

Мол. госп. жертвуетъ,

Чертъ. Видѣлъ того, чьи глаза, то широко темны, то выпуклы и напрягаются. Не правда ли, онъ безумецъ?

Безумецъ. (Вставая и протягивая руку). Вы думаете, что я безумецъ? Безумецъ....! Да!

Половой. (осклабившись). Сумасшедшій!

Замерзшій. (вытираетъ усы и перестаетъ пить) Благодарю! (подымается и уходитъ.)

Разносчикъ. Чулки вязаны, рукавицы теплыя! Очень дешево, лучшій товаръ.

Половой. Онъ теперь не замерзнетъ. Стрѣлянная птица!

Черть. Но почему, опять появляется на сценѣ чертежъ Россіи и слово „Россія“ въ страхованіи? Лишь только онъ ушелъ! Страшный человѣкъ!

Половой. (Подходитъ и пальцемъ трогаетъ слово „Россія“) Такъ точно, Сударь! Они будто отлучались куда-то, а теперь вернулись.

Черть. (Смотря на часы) Однако неотложныя дѣла заставляютъ меня лишиться Вашего общества. Мы встрѣтимся завтра у Кругликовыхъ въ 7 час.?

Мол госп. Да! Досвиданія глубокоуважаемый чертъ.

Студентъ (засыпая надъ пивомъ) Стрѣшился.........

Половой. (появляясь строго) Здѣсь засыпать не полагается.

Студентъ. А? кружку!

Сфинксы. (появляясь), Кружку!

Сидѣлецъ. Чернаго? бѣлаго?

Сфин. Синяго. Мы пьемъ только синее небо.

Сидѣлецъ. Какъ угодно!

Сфин. (Поютъ): Лапы протягивая другъ къ дружкѣ

Мы полнымъ небомъ сипимъ кружки,
Мы смотримъ свѣтло и спѣсиво,
На всѣ иныя пива.
Міръ станетъ небомъ постепенно,
О, млечный путь, зачѣмъ ты пѣна.!

Пѣть и пить будетъ,
Кто нашу забудетъ пѣсню.

Французск. свобода. Я пришла сюда согрѣться!
Мои завяли крашенныя перья,
Холодна и одинока теперь я,
О куда мнѣ, куда мнѣ дѣться?

Ученый. (Входя и садясь за столикъ) Меня уморили проклятыя вѣдьмы. Шея болитъ, ноги болятъ, пива и пива!

Сидѣлецъ. (Съ кружкой въ рукѣ) Напитокъ охотно подамъ, пришедшимъ ко мнѣ господамъ.

Края пѣннаго стакана широки и облы,-
О не хотите ли сфинксы кусочка воблы.—
Пиво взойдетъ до Овна и до Рака,—
О не угодно ли, сфинксы рака?
Пиво не дороже копѣекъ пяти,
Взметнетъ до млечнаго пути.
Въ моемъ стаканѣ звѣздная пѣна,
Въ обширномъ небѣ узнать подносъ съ пивной закуской
Обычай ново-Русскій!.

Стаканъ. (пива принимаетъ размѣры вселенной.)

Посѣтители. (Закуриваютъ важно трубки и въ ихъ дымѣ исчезаетъ все.—Пивная и посѣтители.) Молодой человѣкъ выходитъ на звѣздную ночь; извозчикъ пытается проѣхать, ... „Садитесь: я подвезу“........

Мол. гос. (Высаживается) Ну, здѣсь я слѣзаю......

Сторожъ. Мостъ въ сказку разобранъ, господинъ. Вы останетесь въ сказкѣ до слѣдующаго дѣйствія.

Мол. гос. А! (поворачиваясь идетъ назадъ).

Сторожъ. (Ставя заставу.) Проѣздъ въ сказку закрытъ, господа.

КНИГИ РУССКИХЪ ФУТУРИСТОВЪ

КАТАЛОГИ ИЗДАТЕЛЬСТВЪ.

1908—1914 г.г.

МОСКВА—С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство

(Литературной Компанiи Футуристовъ)

„ГИЛЕЯ“

Дохлая луна (огранич. количество — осталось — — — — — 1 р. 50 к.

Молоко кобылицъ (Мирiстель:) Каменскiй, Маяковскiй, Игорь-Сѣверянинъ, Бурлюки, Хлѣбниковъ, Крученныхъ, Лившицъ, Экстеръ. Стихи, статьи, рисунки, литографiи.

Сборникъ рисунковъ: печатается Бурлюки; Давидъ Владимiръ Предисловiе Николай Бурлюкъ.

Склады изданiй:

Москва. „Современныя проблемы“ Никитск. ул.
Петербургъ. Невскiй проспектъ „Поповъ“.
Москва.—Карбасниковъ—Моховая ул.

Хлѣбниковъ „Творенiя“ т. I. 1 р.

Владимiръ Маяковскiй трагедiя „Владимiръ Маяковскiй“ — 1 р.

1-й № **„Первый Журналъ Русскихъ Футуристовъ“** издатель Д. Бурлюкъ редакторъ В. Каменскiй.

В. Маяковскiй И. Сѣверянинъ **Хлѣбниковъ**, В. Каменскiй, Б. Лившицъ, Давидъ, Владимiръ и Николай Бурлюки. А. Экстеръ, Васильева.

Б. Лившицъ. II-я книга стиховъ „Волчье солнце“ рисунки цвѣтныя репрод. Экстеръ. Васильева. I-я книга „Флейта Марсiя“.

изд. ЕУЫ.

В. Хлѣбников. Перчатка (1908—1914) рис. Д. Бурлюка. К. Малевича и др. ц. 60 к.

Утиное гнѣздышко—, Крученых, книга 7-я рис. Розановой, ц. 40 к.

Бух лѣсиный—А. Крученых и Хлѣбников кн. 8-я рис. Розановой, Кульбина и Крученых, 40 стран. ц. 30 коп.

Взорваль—А. Крученых книга 9-я, 60 стр. рис. Гончаровой, Розановой, Кульбина и Малевича ц. 60 коп.

А. Крученых. Побѣда над солнцем. Опера. Музыка Матюшина—ц. 60 к.

А. Крученых. „Чертъ и рѣчетворцы“ рис. О. Розановой ц. 30 к.

Карбасников, Суворин, Вольф, Яснаго и др.

Склад изд. С.П.-Б. Максимиліановый пер. д. 16, кв. 6.

Художественное Бюро

Надежды Евсѣевны Добычиной.

С.-П.-Бургъ Мойка 63.

Картины Русскихъ Футуристовъ.

Выставки Футуристовъ

Берлинъ „Sturm“

„Potsdamerstasse. 134“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ и МОСКВА.

О-во художн. „Союзъ Молодежи“

ОТКРЫВАЕТСЯ Студія ДАВИДА

Бурлюка.

Живопись. Рисунокъ.
Анатомія. Истор. иск.

Съ Сентября 1914 года—Москва.

Издательство Журавель

Садокъ Судей, I сборникъ (распродано) оставшіеся
въ не большомъ количествѣ продаются у
Митюрникова по 50 р. СПБ. Литейный.
Садок Судей II сборникъ.
Садокъ Судей III сбор. (печатается)
Осеній Сонъ—Е. Гуро (†)
Шарманка ея-же
„Трое"—ц. 1 р. Гуро. Хлѣбниковъ. Малевичъ.
Крученныхъ.

„Рыкающій Парнасъ" — — 1 р. 50 к.

ИЗД. БУТКОВСКОЙ.

Студія импрессіонистовъ, цѣна 1 р. 50 к.
Свободная музыка, цѣна 2 руб.

ИЗД. ОБЩ. ИНТИМНАГО ТЕАТРА:

Кульбинъ, цѣна 50 к.

Изданіе Общества Художниковъ
„СОЮЗЪ МОЛОДЕЖИ"

Сборникъ № 1, Апрѣль, 1912 г. (распроданъ.)
Сборникъ № 2, Іюнь 1912 г. — 50 к.
Сборникъ № 3, Мартъ 1913 г. — 1 р.
Сборникъ № 4, 1914 г. — (готовится)
Вячеславъ Егорьевъ и Владиміръ Марковъ.

Свирѣль Китая; собраніе стихотвореній китайскихъ
поэтовъ съ біографіями (печатается).
Глезъ и Меценже. „Du Cubisme" въ переводѣ
„Союза Молодежи".
I. Школьникъ и О. Розанова.
Сборникъ рисунковъ (печатается).
Владиміръ Марковъ.
Принципъ Фактуры (готовится).
Бургеръ. Сезаннъ и Ходлеръ (печатается).
Дав. Дав. Бурлюкъ.
Галдящіе „Бенуа" и Новое Русское національное искусство. Разговоръ г. Бурлюка,
г. Бенуа и г. Рѣпина — 20 коп.

Складъ изданій „Союза Молодежи"
С.-П.-Бургъ, Графскій, 5.

МОСКОВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Изд. Г. Кузьмина и С. Долинскаго.

Игра въ Аду—Крученных и Хлѣбников, рис. Гончаровой ц. 60 к. (распродано).

Старинная любовь—Крученных, рис. Ларіонова, ц. 30 к. (распродано).

Оставшіеся въ небольшом количествѣ распродаются.

Игра въ аду по 3 и 5 руб. и „Старинная любовь" по 1 р. у Митюрникова, Вольфа и др.

Міконца Крученых и Хлѣбников, рис. Гончаровой, Ларіонов, Роговина, Татлина, цѣна, 70 коп. (распродано).

Пустынники Помада. Полуживой—А. Крученных, рис. Гончаровой и Ларіонова, цѣна 50, 30 и 40 коп.

Пощечина обществен. вкусу—Бурлюки, Крученных, Хлѣбников, Маяковскій и др. цѣна 1 руб. (ограниченное количество экземпляровъ).

Требник троих—Бурлюки, Хлѣбников, Маяковскій, цѣна 1 р. 25 к. роскошное изданіе, рисунки.

Цѣна 1 р.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЛИТ. К⁰"

ФУТУРИСТЫ

„Гилея"

1914 г.

Херсонъ, Электро-типографія "Экономія" Ф. С. Наровлянскаго и Ш. В. Фаермана